

Фрэнк Герберт

БОГ-ИМПЕРАТОР ДЮНЫ

Вселенная Дюны

Фрэнк Герберт

Бог-Император Дюны

«АСТ»

1981

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84(7Сое)-44

Герберт Ф.

Бог-Император Дюны / Ф. Герберт — «АСТ»,
1981 — (Вселенная Дюны)

Масштабная экологическая трансформация подошла к завершению. На Арракисе появились леса, озера и реки. Но нет больше великой пустыни и нет песчаных червей, производивших Пряность – самую большую драгоценность планеты...

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84(7Сое)-44

© Герберт Ф., 1981
© АСТ, 1981

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

72

Фрэнк Герберт

Бог-Император Дюны

Frank Herbert
GOD EMPEROR OF DUNE

Печатается с разрешения Herbert Properties LLC и литературных агентств Trident Media Group, LLC и Andrew Nurnberg.

© Frank Herbert, 1981

© Перевод. А. Анваер, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Из доклада Хади Бенотто об открытии в Дар-эс-Балате на планете Ракис

Для меня не только радость объявить вам сегодня о нашем открытии этого замечательного хранилища, в котором среди прочего была обнаружена монументальная коллекция рукописей на ридулианской кристаллической бумаге; я также буду горд сообщить вам о наших доказательствах, касающихся аутентичности нашего открытия, доложить вам, почему мы столь уверены в том, что нам удалось открыть оригинальные записки Лето Второго, Бога-Императора.

Во-первых, позвольте мне напомнить вам об историческом сокровище, которое известно всем нам под названием «*Похищенные рукописи*». Эти написанные в глубокой древности тома позволили нам в течение последних нескольких столетий лучше понять наших предков. Как вы знаете, «Похищенные рукописи» были расшифрованы специалистами Космической Гильдии, и разработанный ими метод лег в основу расшифровки и вновь найденных томов. Никто не может отрицать антикварную ценность Ключа Гильдии, ибо он и только он позволяет перевести на современный язык содержание упомянутых томов.

Во-вторых, эти тома были напечатаны с помощью древнего иксианского аппарата. «Похищенные рукописи» не оставляют никаких сомнений в том, что именно этот метод использовал Лето Второй для фиксации своих исторических наблюдений.

В-третьих – мы думаем, что это по важности можно назвать настоящим открытием, – само хранилище. Хранилище книг было выполнено по иксианскому проекту – весьма древнему и примитивному, но такому замечательному, что несомненно сама конструкция хранилища поможет пролить свет на ту историческую эпоху, которая известна теперь под названием «Рас-seяние». Как и надо было предвидеть, хранилище оказалось невидимым. Оно было погребено гораздо глубже, чем мы могли предполагать на основе мифов и устных преданий, этот объект испускал и поглощал радиацию так, что можно было подумать, что речь идет о естественном объекте. Такая инженерная мимикрия неудивительна сама по себе – удивительно другое – как можно было достигнуть такой степени маскировки, пользуясь отсталой древней технологией.

Я вижу, что многие из вас взволнованы этой находкой, точно так же, как мы. Мы полагаем, что видим сейчас первый иксианский глобус, образец, на основе которого были сделаны все последующие подобные приспособления. Конечно, это не первый экземпляр, но он, несомненно, один из первых и воплощает в себе те же принципы.

Позвольте мне теперь же удовлетворить ваше законное любопытство и повести вас на краткую экскурсию по хранилищу. Хочу только попросить вас соблюдать тишину, ибо наши инженеры продолжают работу, раскрывая тайны древнего хранилища.

Все вышесказанное приводит меня к четвертому пункту, и это будет краеугольным камнем нашего открытия. Трудно описать мои чувства, которые я испытал, когда обнаружил в этом

хранилище еще одну реликвию, а именно запись человеческого голоса – это запись Лето Второго, который вещал голосом своего отца – Пауля Муад’Диба. Поскольку аутентичные записи голоса Бога-Императора хранятся в архивах Бене Гессерит, мы послали образцы записи, сделанной на древней микропористой системе, в Общину Сестер с официальной просьбой провести сравнительный анализ. Мы пока не получили ответа, но у нас практически нет сомнений, что мы имеем дело с аутентичной записью.

Теперь я попрошу вас обратить внимание на переведенные отрывки, которые вам вручили в самом начале нашего заседания. Позвольте мне также принести извинения за их большой вес. Я слышал, как многие из вас отпускали шутки по этому поводу. Мы использовали обычную бумагу только из соображений экономии. Оригиналы написаны такими мелкими буквами, что для прочтения нуждаются в многократном увеличении. Действительно, нужно около сорока томов, подобных тому, что вы держите в руках, чтобы напечатать обычным шрифтом содержание одного тома, нанесенного мелкими символами на ридулианскую бумагу. Наш перевод помещен на экране справа. Я хочу привлечь ваше внимание к поэтическим красотам слов, а также к смыслу перевода. Стиль позволяет идентифицировать личность автора. Мы полагаем, что написать такое мог только человек, обладающий выраженной предковой памятью, способный испытать необычное погружение в прошлые жизни, погружение, которое не в состоянии оценить те, кто этого дара лишен.

Обратите внимание на смысловое содержание. Все ссылки согласуются со всем тем, о чем рассказывает нам история относительно того человека, который один только мог написать такой рассказ.

Мы приготовили для вас еще один сюрприз. Я позволил себе вольность пригласить сюда известного поэта Ребета Врееба, чтобы он выступил здесь и прочел нам первую страницу короткого пассажа из нашего перевода. Мы уже поняли, что даже в переводе эти слова, произнесенные вслух, оказывают совершенно иной эффект, чем если их молча читать с листа. Мы хотим, чтобы вы разделили с нами необыкновенные свойства, открытые нами в этих томах.

Дамы и господа, давайте поприветствуем Ребета Врееба.

Из декламации Ребета Врееба

Заверяю вас, что я – книга судьбы.

Вопросы – мои враги. Ибо мои вопросы взрываются! Ответы же выплывают, как страшные тучи, на небосвод моей неотвратимой памяти. И нет ни одного ответа, которым я был бы доволен.

Какие призмы вспыхивают ярким светом, когда я вступаю в устрашающие пределы моей памяти. Я кристалл расколотого кремня, заключенный в ящик. Ящик вращается и трясется. Я же бьюсь о его стенки в вихре тайн. И когда крышка открывается и я возвращаюсь в мир, то чувствую себя как путник, попавший в страну дикарей.

Медленно (я говорю – медленно) я заново выучиваю свое имя.

Но это отнюдь не значит познать себя!

Этот человек, которого зовут Лето, – он второй, кто носит это имя, – находит в своей душе иные голоса, иные имена и иные места. О, я клянусь вам (как я уже обещал), что откликнусь только на одно имя. Если вы скажете: «Лето», то я откликнусь. Я делаю это, потому что терпелив, но не только:

Я держу нити!

Все они мои. Мне стоит только вообразить объект поиска – например... *мужси, погибшие от меча*, и вот они все передо мной со всеми своими мучениями, каждый их образ целен и правдив – я слышу каждый стон, сорвавшийся с их уст, вижу каждую гримасу, исказившую их лица.

Радость материнства, думаю я, и вот я уже на родовом ложе. Множество детских улыбок и сладкое щебетание новых поколений. Первый шаг ползунка и первая победа юности – я делю с ними все. Они толкаются в толпе, наступают друг на друга, и только по прошествии времени я начинаю видеть что-то, кроме тождества и повторений.

Оставь все это в покое, говорю я себе.

Кто может отрицать ценность такого опыта, ценность того, что я узнаю каждый момент?

Но, увы, это прошлое.

Разве вы не понимаете?

Это же только прошлое!

В то утро я родился в юрте на краю конского пастбища в одной стране, на одной планете, которой больше не существует. Завтра я появлюсь на свет кем-нибудь еще и в другом месте. Я еще не сделал выбор. То утро и... ах! та жизнь! Когда мои глаза научились различать предметы, я стал смотреть на свет солнца, на поле с вытоптанной копытами травой и на бодрых людей, совершавших сладостные деяния своей жизни. Где... о, где теперь эта бодрость?

(Похищенные рукописи)

Три человека, растянувшись почти на полкилометра, бежали цепочкой по Запретному Лесу. Последний из них опережал на каких-нибудь сто метров несущихся сзади Д-волков. Было слышно, как звери щелкали зубами и тяжело выдыхали воздух – волки всегда так делают, когда видят впереди добычу.

Первая Луна была почти над головой, и в лесу было светло, и хотя дело происходило в высоких широтах Арракиса, лес дышал накопленным за жаркий летний день теплом. Ночной ветер, дувший из Последней Пустыни Сарыра, был пропитан смолистым духом и сырыми испарениями мягкой лесной подстилки. Ветер с озера Кинеса, расположенного за Последней Пустыней, временами доносил до беглецов запах соли и рыбы.

По странной иронии судьбы последнего из бегущих звали Улот, что на фрименском языке означает «Любимый последыш». Он был мал ростом и страдал излишней полнотой, из-за чего ему пришлось посидеть на диете во время подготовки к этому приключению. Но даже стремительный бег не смог избавить Улота от округлых черт лица. Большие карие глаза были широко раскрыты – в них была тоска, вызванная роковым избытком плоти.

Улоту было ясно, что далеко он не убежит. От быстрого бега он тяжело, со свистом дышал, совершенно выбившись из сил. Временами его шатало. Но он не звал на помощь товарищей, зная, что они ничем не смогут ему помочь. Все они принесли одну и ту же клятву, понимая, что нет у них иной защиты, кроме старинной доблести и фрименской верности. Эти вещи остались незыблемыми, хотя то, что когда-то было фрименом, давно превратилось в музейный экспонат. Старые клятвы действительно хранились в Музее фримена.

Но именно из-за фрименской верности Улот продолжал бежать молча, прекрасно сознавая свою обреченность. То была великолепная демонстрация древних качеств, и очень жаль, что у всех бегущих были чисто книжные представления и знания устных преданий о тех доблестях, которым они сейчас подражали.

Д-волки уже наступали на пятки Улоту – гигантские серые фигуры, в холке высота их достигала человеческого роста. Звери рвались вперед, воя от предвкушения скорой добычи.

Улот споткнулся левой ногой о корень и едва устоял на ногах; это придало ему сил, и он снова кинулся вперед, оторвавшись от преследователей на целый волчий корпус. Кровь тяжело пульсировала в сжатых кулаках, Улот шумно дышал открытым ртом.

Д-волки и не думали менять темп бега. Словно серебристые тени, они почти бесшумно неслись сквозь зеленые запахи родного леса. Они знали, что победят... и уже имели такой опыт.

Улот снова споткнулся, но сумел сохранить равновесие, ухватившись за молодое деревце, и продолжил бег. Дыхание со свистом рвалось из его груди, ноги дрожали, отказываясь повиноваться. Сил на новый рывок уже не было.

Один из зверей – волчица обогнала Улота слева. Резко повернув, она бросилась на человека. Огромные клыки вонзились в плечо, но Улот удержался на ногах. К ароматам леса добавился острый, едкий запах крови. Меньший по размерам самец схватил Улота за правое бедро, и на этот раз человек упал. Раздались дикий предсмертный крик, клещанье волчьих зубов, и все стихло.

Продолжая поглощать добычу, волки снова взяли след. Обнюхав лесную подстилку и втянув ноздрами воздух, они учуяли свежие следы еще двух бегущих от них людей.

Следующим на их пути был Квутег, представитель старинной семьи Арракиса, чьи корни восходили еще к временам Дюны. Один из его предков был в сиемче Табр мастером погребальной церемонии, но прошло уже три тысячи лет, и мало кто на планете верил, что все это когда-то происходило в действительности. Квутег легко бежал на своих длинных, стройных ногах, словно самой природой приспособленных для такого долгого бега. Длинные черные волосы развевались по плечам, обрамляя лицо с тонким орлиным профилем. Как и на его товарищах, на Квутеге был облегающий плотный черный беговой костюм. Он подчеркивал контуры работавших мышц и ровное глубокое дыхание. Правда, бежал Квутег не в полную силу – сказались последствия травмы колена, полученной при спуске с оборонительного пояса Цитадели Бога-Императора в Сарьире.

Квутег слышал внезапно оборвавшийся крик Улота и приближающиеся вой и щелканье зубов Д-волков. Он изо всех сил старался не представлять себе, как еще одного друга убили эти твари – сторожевые псы Лето, но он не мог не представлять себе, как волки расправятся с ним самим. Он хотел было выругаться в адрес тирана, но передумал – надо было беречь дыхание. Оставалась еще призрачная надежда, что они успеют добежать до спасительной реки Айдахо. Квутег знал, что думают о нем его друзья, даже Сиона. Его всегда считали консерватором. Даже когда Квутег был ребенком, никакая сила в мире не могла бы заставить его попусту тратить энергию, он всегда берег ее, расходуя малыми порциями.

Несмотря на боль в поврежденном колене, Квутег ускорил бег. Он знал, что река уже близка. Рана стала нестерпимо болеть, сжигая огнем всю ногу и бок. Квутег понимал, что терпение его на исходе. Знал он, и что Сиона уже возле воды. Она была самым быстрым бегуном среди них, и у нее находился запечатанный пакет, который они похитили в крепости Сарьира. Квутег постарался думать только о пакете.

Спаси его, Сиона! Воспользуйся им, чтобы уничтожить тирана!

Совсем близко, сзади раздался алчный вой волков, нарушив ход мыслей Квутега. Они уже слишком близко. Он понимал, что ему тоже не уйти.

Но Сиона должна спастись!

Он оглянулся через плечо и увидел, что один из волков кинулся ему наперерез. План их атаки был ясен. Одновременно с волком рванулся вперед и Квутег. Спрятавшись от стаи за деревом, он бросился под ноги атакующему волку, схватил его за заднюю лапу и, подняв в воздух, начал вращать им, как дубиной, распугивая остальных. Волк оказался не таким тяжелым, как он ожидал, и неожиданная перемена обстановки принесла Квутегу облегчение. Он вращал волка, как древний дервиш пращу, поразив в головы двух волков. Но Квутег не мог одновременно следить за всеми волками, и один из них – тощий самец, – уловив момент, кинулся на человека. Зверю удалось отбросить человека к дереву, и Квутег выронил свою живую дубину.

– Беги! – крикнул он изо всех сил.

Стая бросилась на свою жертву, и тогда Квутег впился зубами в горло тощего самца. Волчья кровь залила ему глаза и ослепила. Квутег покатился по земле, потеряв всякое представление о том, где находятся остальные волки. Он вытер глаза и схватил другого волка. Часть

стаи с воем разбежалась, часть с рычанием вонзила клыки в раненого самца. Но большинство зверей бросилось на человека. Волчьи зубы с двух сторон впились в горло Квутега.

Сиона тоже слышала крик Улота, потом крик резко оборвался, и волки возобновили погоню. Ее наполнил такой гнев, что она была готова взорваться. Улота включили в их экспедицию только за его аналитические способности – этот человек по нескольким фрагментам любого явления мог составить четкое представление о целом. Именно Улот, когда они были в Цитадели, достал из фримпакета умножитель, исследовал два странных тома, которые они нашли, и объявил, что это, несомненно, шифр.

Вот тогда Ради... бедный Ради, первый из них, кому пришлось умереть, сказал:

– Мы не можем позволить себе брать лишний вес. Выбросите их.

Улот начал возражать:

– Ненужные вещи так не запечатывают.

Квутег поддержал Ради:

– Мы пришли в Цитадель за ее планом, и теперь он у нас есть. Эти книги слишком тяжелы.

Но Сиона согласилась с Улотом:

– Я понесу их.

Это и положило конец спору.

Бедный Улот.

Они все знали, что он самый плохой бегун в их команде. Улот был медлителен во многих вещах, но его блестящий ум не стал бы оспаривать никто.

Ему можно доверять.

Улоту можно было доверять.

Сиона усмирила гнев и использовала энергию для ускорения бега. Мимо в лунном свете мелькали деревья, в ушах свистел ветер. Девушка вошла в то состояние, которое иногда охватывает бегуна, когда для него перестает существовать все на свете, кроме его собственных движений. Тело само делало то, что надо было делать.

Мужчины восхищались красотой ее бега, и Сиона знала это. Ее длинные темные волосы были стянуты на затылке в тугий узел, чтобы не развевались на ветру и не тормозили бег. Она даже упрекнула Квутега в глупости за то, что он отказался копировать ее стиль.

Где Квутег?

Ее волосы были не похожи на его волосы. Они были темно-каштановые, и их можно было принять за черные, но они имели совершенно иной оттенок.

Как это иногда бывает с генами, они, совершив долгий путь, воссоздали на лице Сионы черты ее давно умершего предка: мягкий овал лица, полные губы, живые глаза и маленький нос. Ее тело было тонким и стройным от постоянных упражнений в беге, но от всей фигуры веяло сексуальностью, которая всегда привлекала к ней мужчин.

Где Квутег?

Волчья стая молчала, и это очень тревожило девушку. Так было, когда звери свалили Ради, а потом Сетузу.

Она твердила себе, что эта тишина может говорить о чем угодно. Квутег был тоже молчалив... и очень силен. Казалось, что травма несколько его не беспокоит.

Сиона почувствовала боль в груди, сейчас должно прийти второе дыхание – она знала это по опыту многокилометровых тренировок. Пот пропитал тонкую ткань спортивного костюма. Мешок, запечатанный в водонепроницаемую оболочку, был укреплен высоко на спине – предстоял переход через реку. Сиона подумала о карте Цитадели, которая находилась у нее за спиной.

Где Лето прячет свои запасы Пряности?

Наверняка это место находится где-то внутри Цитадели. Обязательно именно там. Где-то в картах должен быть ключ к нахождению этого места. Эти меланжа с Пряностью – очень лакомый кусок для Бене Гессерит, Космической Гильдии и для всех прочих... Цена такой находки стоила любого риска.

И два этих таинственных тома. Квутег был прав в одном – эта ридулианская бумага на кристаллах очень тяжела. Но Сионе было понятно и волнение Улота. В этих зашифрованных строчках скрывается что-то очень важное.

В лесу позади нее раздался мягкий шум погони – это бежали волки.

Беги, Квутег, беги!

Впереди между деревьями показалась безлесная полоса – берег реки Айдахо. Было видно, как в воде отражается яркая луна.

Беги, Квутег!

Как ей хотелось услышать сейчас голос Квутега, хоть какой-нибудь звук! Из одиннадцати человек, которые начали этот путь, остались только они двое. Девять других заплатили своими жизнями за это приключение: *Ради, Алина, Улот, Ининег, Онемао, Хутье, Мемар и Оала*.

Сиона мысленно перечислила их имена, вознося за каждого молчаливую молитву старым богам, а не тирану Лето. Особенно молилась она Шай-Хулуду.

Молю Шай-Хулуда, живущего в песках.

Лес внезапно закончился, и перед Сионой открылся берег реки, покрытый скошенной травой. Вода за узкой полоской гальки неудержимо манила к себе. На фоне тяжелой маслянистой массы воды берег в лунном свете казался серебряным.

Она едва не упала, услышав позади, в лесу, громкий, пронзительный крик. Голос Квутега одиноко прозвучал, заглушив на мгновение дикий вой волчьей стаи. Ошибки быть не могло, он не назвал ее имени, но прозвучавшее слово так много значило для нее – это было слово, говорившее о жизни и смерти:

– Беги!

Раздался яростный визг стаи, голос Квутега пропал. Сиона поняла, куда ушли его последние силы.

Он задержал их, чтобы я могла уйти.

Подчиняясь приказу Квутега, девушка подбежала к берегу и бросилась в воду головой вперед. Для разогретого бегом тела холод речной воды показался ей ледяным. Едва не задохнувшись, она рванулась вперед, стараясь плыть и одновременно восстановить дыхание. Драгоценный груз бил ее по затылку.

Река Айдахо в этом месте не отличалась шириной – всего около пятидесяти метров, течение делало прихотливые изгибы возле песчаных кос, густо поросших тростником и травой, здесь вода отказывалась течь по прямой линии, проложенной для нее инженерами Лето Второго. Сионе придавало силы сознание того, что Д-волки были воспитаны так, что естественной преградой для них служила вода. Их ареал был четко очерчен рекой и валом Пустыни с противоположной стороны. Тем не менее Сиона проплыла под водой несколько метров, вынырнула под обрывистым берегом и оглянулась.

Волчья стая, вытянувшись в шеренгу, стояла на противоположном берегу – все, кроме одного зверя, который спустился к кромке воды. Волк принялся тоскливо выть.

Сиона знала, что волк видит ее. Д-волки отличались превосходным зрением. Среди предков этих зверей были Всевидящие Псы Лето, которых он использовал для выведения этой новой, страшной, породы. Их отбирали именно на глаз. Эти охотники, преследуя добычу, шли по следу, ориентируясь только на глаз. Но если этот один-единственный волк отважится войти в воду, никто не знает, что последует дальше. Сиона затаила дыхание и только теперь почувствовала, насколько она измотана. Они пробежали около тридцати километров, почти половину этого расстояния волки шли по пятам.

Волк на краю берега взвыл последний раз, потом резко развернулся и присоединился к стае. По какому-то молчаливому сигналу все звери одновременно кинулись в лес.

Сиона знала, куда они пойдут. Волкам разрешалось пожирать все, что они обнаружат в Запретном Лесу. Это знали все. Именно поэтому Д-волки без усталости рыскали по лесу – они были стражами Сарьира.

– Ты заплатишь, за все, Лето, – прошептала она. Голос прозвучал тихо, почти неслышно на фоне шелеста тростника. – Ты заплатишь за Улота, за Квутега и остальных. Ты заплатишь.

Она легла на воду и плыла по течению до тех пор, пока ноги ее не коснулись дна в одной из песчаных бухточек. Тело было свинцовым от усталости, но Сиона заставила себя выйти из воды, остановиться и проверить, надежно ли запечатан мешок. Упаковка была цела – значит, содержимое мешка осталось сухим. Девушка взглянула на луну, потом перевела взгляд на лес по ту сторону реки.

Цена, которую мы заплатили, – десять дорогих друзей.

Слезы навернулись на глаза, но Сиона была фрименкой, и слезы быстро высохли. Переход через реку, потом через лес, охраняемый волками, потом путь сквозь Последнюю Пустыню, преодоление стен Цитадели – все это было уже сном... даже бег наперегонки со смертью, который все они предвидели, ибо было ясно, что сторожевые волки Запретного Леса будут ждать их на дороге... все это было сном, сном о чем-то далеком. Опасное предприятие навсегда осталось в прошлом.

Я спаслась.

Она снова взвалила мешок на спину и зафиксировала его.

Я прорвалась сквозь все твои преграды, Лето.

Только теперь Сиона вспомнила о зашифрованных томах. Она была уверена, что в тайнописных строках можно будет найти способ мести тирану.

Я уничтожу тебя, Лето!

Она не подумала: «*Мы уничтожим тебя!*» Сиона не могла думать о себе во множественном числе. Она сама будет мстить.

Повернувшись спиной к реке, она направилась к саду, раскинувшемуся за прибрежной скошенной травой, повторяя клятву, заканчивавшуюся древней фрименской формулой, где называлось ее полное имя:

– Сиона ибн Фуад аль-Сейефа Атрейдес проклинает тебя, Лето. Ты сполна заплатишь за все!

Из выполненного Хади Бенотто перевода томов, обнаруженных в Дар-эс-Балате

Мое имя – Лето Атрейдес II. Я родился более трех тысяч стандартных лет назад, если считать от того момента, когда печатаются эти строки. Мой отец – Пауль Муад'Диб. Моя мать была его фрименской супругой, звали ее Чани. Моей бабушкой по материнской линии была Фарула, известная фрименская травница. Бабушкой по отцовской линии была Джессика, она родилась в результате выполнения программы Бене Гессерит по выведению мужчины, который мог бы разделить знания Общины Сестер, получив власть, равную власти Преподобной Матери. Моим дедом по материнской линии был Лиет-Кинес, планетолог – организатор экологической трансформации Арракиса. Моим дедом по отцовской линии был Атрейдес, происходивший из Дома Атрея. Он мог проследить свою родословную до ее греческих истоков.

Однако достаточно об этом!

Мой дед по отцовской линии умер, как подобает доброму греку, пытаясь убить своего смертельного врага, старого барона Владимира Харконнена. Оба они до сих пор не слишком уютно чувствуют себя в моей предковой памяти. Даже мой отец недоволен таким соседством.

Я сделал то, что боялся совершить он сам, но теперь его тень вынуждена делить со мной ответственность за последствия.

Этого требует Золотой Путь. Но что такое Золотой Путь, спросите вы. Это выживание человечества, ни больше ни меньше. Для нас, тех, кто обладает предзнанием, кто знает о ловушках, ожидающих человечество, нахождение Золотого Пути всегда было высшей ответственностью.

Выживание.

Как вы к этому относитесь: ваши мелкие горести и радости и даже мучения и терзания – редко интересуют нас. Мой отец обладал этой силой. Но я обладаю ею в гораздо большей степени. Мы можем время от времени отодвигать завесу Времени и заглядывать в будущее.

Эта планета – Арракис, – откуда я управляю своей мультигалактической Империей, разительно переменялась с тех пор, когда она была известна как Дюна. В те времена вся планета представляла собой пустыню. Теперь от нее осталась лишь малая часть – мой Сарьир. По планете больше не бродят черви, продуцируя меланжу. Пряность! Дюна ценилась из-за Пряности и только из-за нее! Наша планета была единственным источником этой Пряности. Какая это необыкновенная субстанция. Ни одна лаборатория в мире не сумела синтезировать ее. А ведь это самое ценное вещество из всех, какие когда-либо знало человечество.

Без меланжи, которая воспламеняла провидческое воображение навигаторов Космической Гильдии, люди смогли бы преодолевать парсеки космоса лишь со скоростью черепахи. Без меланжи Бене Гессерит не смогла бы создать ни Вещающего Истину, ни Преподобную Мать. Без гериатрических свойств меланжи люди продолжали бы жить срок, отпущенный им древней природой, – сто лет или около того. Теперь же Пряность имеется только в Космической Гильдии и на складах Бене Гессерит, небольшие количества остались в распоряжении немногих Великих Домов, и есть мои гигантские запасы, которых жаждут все вышеперечисленные. Как бы хотели они напасть на меня! Но не смеют. Они знают, что я уничтожу все запасы, прежде чем они до них доберутся.

Нет, они приходят ко мне со шляпой в руке и просят меня дать им Пряность. Я выдаю ее, как награду, и отказываю в ней в виде наказания. Теперь они ненавидят меня за это.

Это моя власть, объясняю я им. Это мой, и только мой, дар.

С помощью этого дара я основал Мир. Они получили около трех тысяч лет Мира Лето. Это есть состояние вынужденного покоя, но человечество испытывало такое состояние кратчайшие периоды своей истории до моего восшествия на престол. Если вы забыли об этом, то почитайте повествование о Мира Лето, оно записано в этих томах.

Я начал этот рассказ в первые годы моего правления, во времена родовых мук моего метаморфоза, когда во мне было много человеческого, что было видно невооруженным глазом. Кожа из песчаных форелей, которую я воспринял (и от которой отказался мой отец), придала мне невиданную силу и способность противостоять нападениям и старению – эта кожа продолжала покрывать чисто человеческие формы: две ноги, две руки и человеческое лицо, обрамленное складками новой кожи.

Ах, это лицо! Я все еще обладаю им – единственным участком человеческой кожи, которую я являю миру. Вся остальная моя плоть по-прежнему связана с телами этих мелких существ, крошечных переносчиков наследственности, которым суждено в один прекрасный день превратиться в гигантских червей.

И этот день когда-нибудь настанет.

Я часто думаю об этом конечном метаморфозе, который будет очень похож *на смерть*. Я знаю, как именно это произойдет, но не знаю, когда именно и кто, кроме меня, будет в этом участвовать. Это единственное, что мне не дано знать. Я могу знать только одно – продолжается ли Золотой Путь, или он уже закончился. Когда печатаются эти мои слова, Золотой Путь все еще продолжается, и я этим весьма доволен.

Я не чувствую больше, как песчаные форели проникают в мою плоть своими ресничками, сохраняя воду моего тела в своих плацентарных барьерах. Теперь мы стали с ними единым телом, они – моя кожа, а я – то, что приводит в движение это единое целое... большую часть времени.

Когда пишутся эти строки, упомянутое мной единое целое стало очень и очень большим. Мое тело имеет семь метров в длину и два метра в диаметре. Поверхность этого тела ребристая почти на всем протяжении. На одном конце этого цилиндра на высоте человеческого роста расположено мое лицо – лицо Атрейдеса. Руки (их еще можно разглядеть) расположены непосредственно книзу от лица. Мои ноги и ступни? Ну что ж, они почти совсем атрофировались. Подобно плавникам, они переместились на заднюю поверхность моего тела. Мой вес сейчас составляет около пяти старых тонн. Я привожу эти данные, потому что знаю: они будут представлять исторический интерес.

Как мне удастся носить такую непомерную тяжесть? Большей частью я передвигаюсь на Королевской Тележке, этом произведении иксианских мастеров. Вы шокированы? Люди боятся и ненавидят иксианцев еще больше, чем они боятся и ненавидят меня. Они полагают, что дьявол гораздо лучше, чем иксианец. И кто знает, что они могут изобрести и сделать? Кто?

Я этого не знаю. Во всяком случае, не все.

Однако я испытываю определенную симпатию к иксианцам. Они так страстно верят в свою технологию, свою науку, свои машины. Поскольку мы верим (содержание веры в данном случае не имеет значения), то мы понимаем друг друга – они и я. Они сделали для меня множество приспособлений и думают, что я им очень за это благодарен. Те слова, которые вы сейчас читаете, кстати говоря, записаны с помощью иксианского аппарата, который называется диктейтель. Если настроить мышление на определенный лад, то диктейтель активизируется. После этого остается только думать в определенном режиме, а аппарат печатает мои мысли словами на ридулианской кристаллической бумаге толщиной всего в одну молекулу. Иногда я заказываю копии, которые печатают на менее долговечном материале. Именно два таких оттиска и были украдены у меня Сионой.

Скажите, разве она не очаровательна, моя Сиона? Если вы поймете, насколько она важна для меня, то сможете даже спросить, действительно ли я должен был дать ей умереть в лесу. Не стоит в этом сомневаться. Смерть – вещь глубоко личная, а я редко вмешиваюсь в личные дела людей. Я не стал бы делать этого даже для тех, кого надо испытать, как Сиону. Я мог бы позволить ей умереть на любом этапе испытания. В конце концов мне ничего не стоило бы создать нового кандидата через короткий промежуток времени (по моим меркам, разумеется).

Но она очаровала даже меня. Я наблюдал за ней тогда, в лесу. Я наблюдал за ней с помощью хитроумного иксианского аппарата, удивляясь, что не предвидел такого поворота событий. Но Сиона... это Сиона. Вот почему я ничего не сделал, чтобы остановить волков. Это было бы неправильно. Д-волки – это продолжение меня самого, продолжение моей цели, а моя цель заключается в том, чтобы быть самым великим из всех известных хищников.

Записки Лето II

Нижеследующий краткий диалог взят из рукописи, известной под названием «Уэлбекский фрагмент». Считается, что автором рукописи является Сиона Атрейдес. В разговоре участвуют сама Сиона и ее отец Монео, который был (как утверждают историки) мажордомом и старшим помощником Лето Второго. Разговор датируется тем временем, когда Сиона была подростком и отец посетил ее в общежитии Школы Говорящих Рыб в Городе Празднеств Онн, самом населенном центре планеты, называемой в наше время Ракис. Согласно некоторым данным, Монео посетил дочь тайно, чтобы предупредить ее о том, что ей угрожает гибель.

СИОНА: Как ты мог оставаться в живых столь долгое время, отец? Он убивает тех, кто находится рядом с ним. Это известно всем.

МОНЕО: Нет! Ты не права, он никого не убивает.

СИОНА: Нет никакой необходимости мне лгать.

МОНЕО: Я говорю совершенно искренне. Он никого не убивает.

СИОНА: Тогда как объяснить смерти, о которых все знают?

МОНЕО: Убивает Червь. Червь – Бог. Лето живет в груди Бога, но сам он никого не убивает.

СИОНА: Но тогда как смог выжить ты?

МОНЕО: Я умею распознавать Червя. Я вижу это по его лицу и угадываю по движениям. Я знаю, когда приближается Шай-Хулуд.

СИОНА: Но он не Шай-Хулуд!

МОНЕО: Да, так называли Червя в эпоху фрименов.

СИОНА: Я читала об этом. Но он не Бог Пустыни.

МОНЕО: Тише, глупая девчонка! Ты ничего не смыслишь в этих вещах.

СИОНА: Я знаю, что ты трус.

МОНЕО: Как мало ты знаешь. Ты никогда не стояла рядом с ним, не видела его лица и его рук.

СИОНА: Что ты делаешь, когда приближается Червь?

МОНЕО: Я ухожу.

СИОНА: Это мудро. Он убил девять Дунканов Айдахо, мы это точно знаем.

МОНЕО: Говорю тебе, он никого не убивает.

СИОНА: Какая разница? Лето или Червь, они теперь единое целое.

МОНЕО: Но это два разных существа. Лето – Император, а *Червь – это тот, кто есть Бог.*

СИОНА: Ты сошел с ума.

МОНЕО: Возможно. Но я служу Богу.

Из всех когда-либо живших я – самый страстный наблюдатель людей. Я слежу за ними изнутри и снаружи. Прошлое и настоящее причудливо переплетаются, создавая странные образы. По мере того как моя плоть претерпевает метаморфоз, чудесные вещи происходят с моими чувствами. Я воспринимаю все сущее так, словно это случается в непосредственной близости от меня. У меня очень острые слух и зрение, а обоняние позволяет различать великое множество запахов. Я способен улавливать и идентифицировать феромоны в концентрации три молекулы на миллион. Я знаю это. Я проверял. Вы никогда не спрячете ничего от моих обостренных чувств. Вы ужаснетесь, если узнаете, что я могу определить только с помощью обоняния. Ваши

феромоны скажут мне, что вы делаете и даже что вы собираетесь делать. Каждый жест и каждая поза! Однажды я полдня смотрел на старика, сидевшего на скамейке в центре Арракина. Этот потомок наиба Стилгара в пятом колене даже не подозревал об этом. Я рассматривал его согбенную шею, складки кожи под подбородком, потрескавшиеся губы и влагу под носом, большие поры за ушами и жидкие косицы седых волос, торчавшие из-под капюшона старомодного защитного костюма. Он так и не заметил, что за ним наблюдают. Ха! Стилгар определил бы это в течение пары секунд. Но этот старик просто ждал, ждал того, кто так и не пришел. Он встал и поплелся прочь, с трудом разогнувшись после долгого сидения. Я знал, что никогда больше не увижу его во плоти. Он был близок к смерти, его вода почти истощилась. Но это уже не имело для меня никакого значения.

(Похищенные записки)

Лето считал то место, где он ждал своего нынешнего Дункана Айдахо, самым интересным местом во вселенной. По самым распространенным человеческим стандартам, это было гигантское пространство, сердцевина запутанной системы катакомб под фундаментом Цитадели. Помещения высотой тридцать метров и шириной двадцать, словно лучи, расходились от центрального зала, где он ожидал появления Айдахо. Коляска стояла в самом центре сводчатого зала диаметром четыреста метров и высотой сто метров.

Такие размеры внушали Лето уверенность в себе.

Был полдень, но подземный зал освещался лишь несколькими подвешенными круглыми светильниками, настроенными на приглушенный оранжевый цвет. Свет не проникал глубоко в боковые помещения, но Лето на память знал точное расположение того, что там находилось: кости, вода и прах его предков и тех Атрейдесов, которые жили и умирали здесь со времен Дюны. Все они были здесь плюс немного меланжи, чтобы создать иллюзию, что это и есть весь его запас, созданный на случай какой-нибудь катастрофы.

Лето знал, почему Дункан хочет его видеть. Айдахо узнал, что на Тлейлаксу изготовили нового Дункана, другого гхола, созданного по заказу Бога-Императора. Этот, нынешний Дункан боится, что его хотят заменить после шестидесяти лет службы. Такие вещи постоянно происходили с Айдахо перед его заменой. Агент Гильдии уже успел предупредить Лето, что Айдахо получил с Иксиана специальное ружье.

Лето усмехнулся. Гильдия остается очень чувствительной ко всему, что может угрожать и без того очень скромным поставкам меланжи. Они просто в ужасе от того, что Лето является последним связующим звеном между Гильдией и песчаными червями, которые производят столбики Пряности.

Если я умру от воды, то Пряности больше не будет – никогда.

Этот страх, подобно дамоклову мечу, постоянно висел над Гильдией. Тем более что служащие в Гильдии историки убедили навигаторов в том, что именно Лето обладает единственными во вселенной запасами меланжи. Это знание делало Гильдию вполне надежным союзником.

В ожидании Айдахо Лето занимался упражнениями для рук и пальцев, упражнениями, усвоенными в Бене Гессерит. Руки были его, Лето, гордостью. Скрытые под серой оболочкой из песчаных форелей, эти руки с длинными пальцами можно было использовать точно так же, как обычные человеческие руки. Почти бесполезные плавники, в которые превратились ноги и ступни, были для Лето скорее источником неудобства, нежели стыда. Он мог ползать, перекатываться и бросать свое тело, но иногда, падая на плавники, Лето испытывал боль.

Почему задерживается Дункан?

Лето представил себе, как этот человек, испытывая внутренние колебания, всматривается в зыбкий горизонт Сарыира. Сегодня очень жарко, и воздух ведет себя как живое существо.

Перед тем как спуститься в катакомбы, Лето видел на юго-западе мираж. Тепловое зеркало показало сотрудников Музея фримена, которые вели группу туристов мимо показательного фрименского сиегча.

В подземелье же было всегда прохладно и всегда царил полумрак. Туннельные ответвления были погружены в темноту, поднимаясь вверх и вниз очень полого, чтобы Императору было удобно передвигаться по ним в своей коляске. Некоторые туннели, прикрытые фальшивыми стенами, простирались на много километров, создавая сеть тайных ходов и запасных помещений. По этим многокилометровым туннелям Лето передвигался с помощью умных иксианских механизмов.

Проигрывая в уме предстоящую беседу, Лето начал заметно нервничать. Это была интересная эмоция, и он некоторое время ею наслаждался. Лето знал, что за последние годы очень привязался к нынешнему Айдахо. У Лето оставалась некоторая надежда, что Дункан переживет предстоящий им разговор. Иногда Дунканы оставались жить после таких бесед. Было маловероятно, что Дункан представляет для него смертельную угрозу, хотя полностью исключать такую возможность было нельзя. Когда-то Лето пытался объяснить это одному из предыдущих Дунканов... Кстати, это происходило здесь же.

– Ты находишь это странным, что я, с моей силой и властью, могу говорить о шансах и везении, – сказал тогда Лето.

Дункан разозлился.

– Ты никогда не оставляешь места для случайности! Я очень хорошо тебя знаю!

– Как это наивно с твоей стороны. Случайность есть суть моей вселенной.

– Не случайность, а зло! И ты всегда был автором этого зла!

– Прекрасно, Дункан! Зло – это одно из самых глубоких удовольствий. Имея дело со злом, мы укрепляем свои творческие способности.

– Ты совершенно перестал быть человеком! – О, как был зол тот Дункан.

Лето нашел это обвинение раздражающим, как песчинка в глазу. Лето относился к остаткам человеческого в своем существе с некоторой жестокостью, этого нельзя было отрицать, но самым близким к гневу чувством, которое он позволил себе испытать в тот момент, было именно раздражение.

– Твоя жизнь стала похожа на клише, – обвинил он Айдахо.

В ответ на это обвинение Дункан извлек из складок одежды взрывчатку. Каков сюрприз!

Лето любил сюрпризы, даже такие отвратительные.

Это было нечто, чего я не смог предвидеть! Он и сказал это Дункану, который, как ни странно, стоял перед ним в нерешительности как раз в тот момент, когда требовалась только решительность.

– Такой заряд мог убить тебя, – произнес Дункан.

– Прости меня, но эта хлопушка могла бы только легко меня ранить, не более того.

– Но ты же сам признал, что не предвидел этого! – Айдахо сорвался на пронзительный крик.

– Дункан, Дункан, абсолютное предзнание для меня означает смерть, а она невыразимо скучна.

Айдахо хотел было отбросить гранату в сторону, но заряд был недостаточно стабилен и взорвался слишком рано, убив Дункана. Но ничего страшного, в баках Тлейлаксу был уже изготовлен следующий Айдахо.

Один из светильников несколько раз мигнул. Волнение охватило Лето. Сигнал Монео! Верный Монео предупреждает, что Дункан спускается в крипту.

Открылись створки лифта под северо-западной аркой зала, и в проеме показалась фигурка Айдахо. Дункан был еще очень далеко, но Лето мог различить мельчайшие детали его внешности. Вот складка на рукаве у локтя – это говорит о том, что человек сидел у стола,

опершись подбородком на руку. Да, на подбородке даже остались следы пальцев. Запах Дункана распространялся впереди его и свидетельствовал, что в крови Айдахо бушует адреналин.

Лето молча ждал, когда человек приблизится, внимательно приглядываясь к деталям. Несмотря на свою многолетнюю службу, Айдахо шел пружинистой походкой молодого человека. Возможно, это результат приема небольших доз меланжи. На Дункане была старая черная форма атрейдесовских воинов с золотым ястребом на груди. Это должно было означать: «Я служу чести старых Атрейдесов!» Волосы все еще были черными и кудрявыми, как каракуль, черты лица резкими, скулы выступали.

На Тлейлаксу хорошо знают свое дело, мысленно произнес Лето.

В руке Дункан держал тонкий чемоданчик, сплетенный из темно-коричневого волокна. Обычно в этом чемоданчике находились документы, подготовленные Айдахо, но на этот раз кейс вздувался от слишком массивного предмета.

Иксианское ружье.

Приближаясь, Айдахо не отрывал взгляд от лица Лето. Да, то, без сомнения, было лицо настоящего Атрейдеса – тонкие черты и голубые глаза, которые, как казалось слабонервным, могли физически пронзить человека насквозь. Лицо пряталось в глубокой нише, образованной складкой из песчаных форелей. Эти складки могли в считанные мгновения развернуться в защитный капюшон. Айдахо знал, что для этого Лето достаточно слегка пошевелить лицевыми мышцами. Лицо казалось неправдоподобно розовым на фоне форельей кожи. Лицо Лето казалось непристойностью, остатком потерянной человечности, внедренной в нечто, совершенно чуждое человеческому существу.

Остановившись всего в шести шагах от Королевской тележки, Айдахо не считал нужным скрыть свои злобные намерения. Он не подумал даже о том, чтобы лучше спрятать лазерное ружье. Империя слишком далеко ушла от старых представлений о морали, присущих Атрейдесам, и превратилась в беспощадный безликий джаггернаут¹, сокрушающий невинного на его пути. Этому надо положить конец!

– Я пришел поговорить с вами о Сионе и других вещах, – произнес Айдахо. Он поставил кейс так, чтобы без затруднений достать оружие.

– Очень хорошо, – едва подавляя зевоту, ответил Лето.

– Сиона была единственной, кому удалось избежать смерти, но у нее остались другие мятежные товарищи.

– Ты думаешь, я этого не знаю?

– Я знаю вашу опасную терпимость к мятежникам и заговорщикам! Чего я не знаю, так это содержимого пакетов, которые они украли.

– Ах, вот оно что... У Сионы в руках полный план Цитадели.

На краткий миг Айдахо снова превратился в бдительного начальника стражи, шокированного таким небрежением безопасностью.

– И вы позволили ей бежать с этим?

– Не я, а ты.

Айдахо был до глубины души уязвлен этими словами; желание убить тирана вновь поднялось в его душе.

– Это все, что она взяла? – поинтересовался он.

– Там было два тома моих записок, копии и карты. Она украла копии.

Айдахо изучающе посмотрел на неподвижное лицо Лето.

– И каково содержание этих записок? Иногда вы говорили, что это история, иногда – что дневники.

¹ В индийской мифологии одно из воплощений бога Вишну. В переносном смысле обозначает некую несокрушимую, безликую и беспощадную силу (землетрясение, извержение вулкана и т. д.).

- Понемногу того и другого. Пожалуй, их можно даже назвать учебником.
- Вас очень беспокоит эта кража?

Лето позволил себе слегка улыбнуться, что Айдахо воспринял как отрицательный ответ. По червеобразному телу Лето пробежала волна мышечного напряжения, когда Айдахо сунул руку в тонкий кейс. Что он достанет – доклад или оружие? Хотя нынешнее тело Лето было устойчивым к воздействию высокой температуры, было несколько участков, чувствительных к поражающему действию лазерного ружья, особенно лицо.

Айдахо извлек из кейса доклад и начал читать. Но Лето было уже все ясно, Дункан не информировал патрона, он искал ответ на свои вопросы. Айдахо искал оправдания своим действиям, убийству, на которое он уже решился.

– Нами обнаружены группы последователей культа Алии на Гьеди Один, – читал между тем Айдахо.

Лето промолчал, Айдахо начал рассказывать подробности. *Как это скучно*, подумал Лето. Мысли его блуждали. Последователи культа давно умершей сестры его отца были забавны, не более того. Но Дунканы по очереди, и это неудивительно, рассматривали деятельность этой секты как скрытую угрозу власти.

Айдахо закончил свой доклад. Ничего не скажешь, его агенты были очень старательны. Скучны и старательны.

– Все это не более опасно, чем возрождение культа Изида, – заметил Лето. – Мои жрецы и жрицы немного развлекаются, подавляя этот культ, только и всего.

Айдахо, словно отвечая своим мыслям, задумчиво покачал головой.

– Бене Гессерит знает об этом культе, – сказал он.

Вот это уже интересно, подумал Лето.

– Община Сестер никогда не простит мне того, что я лишил их любимого детища – селекционной программы.

– Этот культ не имеет ничего общего с селекционной программой.

Лето подавил чувство изумления. Дунканы всегда были очень понятливы в вопросах селекции, правда, иногда и на них находил какой-то ступор.

– Понятно, – сказал Лето. – Понимаешь, Бене Гессерит всегда отличались изрядным сумасбродством, но сумасшествие – это резервуар сюрпризов, а некоторые из них бывают полезными.

– Я, как ни стараюсь, не могу увидеть в них ничего полезного.

– Так ты думаешь, что за культом Алии стоит Бене Гессерит? – спросил Лето.

– Да.

– Объяснись.

– У них есть священная гробница. Они называют ее «Гробницей хрустального ножа».

– Она существует и сейчас?

– Их верховная жрица носит титул «Хранительница света Джессики». О чем это может говорить?

– Великолепно! – воскликнул Лето, не пытаясь на этот раз сдержать удивления.

– Что же в этом великолепного?

– Они ухитрились объединить мою бабушку и тетку в одно божество, это забавно.

Айдахо, ничего не понимая, медленно покачал головой.

Лето на мгновение позволил себе расслабиться. Бабка в его генетической памяти была не очень озабочена судьбой своего нынешнего культа на Гьеди Один. Надо все же отгородиться от ее памяти и ее личности.

– И в чем же, ты полагаешь, состоит цель организации этого культа? – спросил Лето.

– Она очевидна. Создать конкурирующую религию, с тем чтобы подорвать вашу власть.

– Это слишком просто. Что ни говори о Бене Гессерит, но простаками они не были никогда.

Айдахо ждал объяснений.

– Они хотят получать больше Пряности! – сказал Лето. – Они чтят ее больше, чем своих Преподобных Матерей.

– Так они будут раздражать вас до тех пор, пока вы их не купите?

– Я разочарован в тебе, Дункан.

Айдахо уставился на Лето, который хотел вздохнуть. Теперь для него это было очень сложное и несвойственное для нового тела движение. Дунканы обычно были более понятливы, но Лето предположил, что злодейский умысел помрачил рассудок этого Айдахо.

– Они выбрали своей штаб-квартирой Гьеди Один, – сказал Лето. – Что ты можешь сказать по этому поводу?

– Там находится крепость Харконненов, но это очень древняя история.

– Там умерла твоя сестра, она стала жертвой Харконненов, и в твоём сознании Гьеди и Харконнен слились воедино. Почему ты раньше не говорил мне об этом?

– Потому что не считал это важным.

Лето плотно сжал губы. Упоминание о сестре взволновало Дункана. Умом этот человек понимал, что он всего лишь звено в последовательности плотских копий одного и того же человека, что он всего-навсего продукт бродильных баков Глейлаксу, в которых живут аксолотли, размножающие его, Дункана, исходные клетки. Ни один Дункан не может полностью избавиться от своей врожденной памяти. Он прекрасно помнил, что именно Атрейдесы освободили его из застенков Харконненов.

И кем бы я ни был, подумал Лето, я все равно навеки останусь Атрейдесом.

– Что вы пытаетесь сказать? – требовательно спросил Айдахо.

Лето решил, что пора повысить голос:

– Харконнены были ворами Пряности!

Айдахо отступил на один шаг.

Лето продолжал, понизив голос:

– До сих пор на Гьеди Один есть спрятанные склады Пряности. Община Сестер пытается обнаружить их, используя для маскировки свои религиозные трюки.

Айдахо был ошеломлен. Слово было сказано, и ответ очевиден.

Это мой недосмотр, подумал Айдахо.

Окрик Лето снова расставил все по своим местам: Дункан по-прежнему был начальником стражи. Айдахо знал упрощенную до предела экономику Империи: никаких долгов под проценты – только наличные на бочку. Единственной валютой были монеты с изображением лица Лето – Бога-Императора. Истинная ценность заключалась в Пряности, ее цена была огромной и продолжала расти. За маленький чемоданчик Пряности можно было купить планету средних размеров.

Контролировать надо финансы и суд, все остальное сделает чернь, подумал Лето. Эту фразу сказал когда-то старик Джекоб Брум, и Лето услышал, как Джекоб хихикнул в его генетической памяти. Да, старик, с тех пор мало что изменилось, сказал Бруму Лето.

Айдахо виновато вздохнул.

– Надо немедленно известить об этом Бюро Веры.

Лето хранил безмолвие.

Айдахо расценил это как разрешение продолжать и снова принялся читать доклад, но Лето слушал его вполуха, отмечая про себя те места, на которых стоило сосредоточиться.

Теперь он начнет говорить о Глейлаксу.

Ты вступаешь на опасную для себя почву, Дункан.

Однако эта мысль придала рефлексии Лето новое направление.

Хитроумные тлейлаксианцы до сих пор делают мне Дунканов из исходного клеточного материала. С религиозной точки зрения они совершают преступное деяние, и мы все это отлично знаем. Я не разрешаю искусственные манипуляции с генетическим материалом человека. Но на Тлейлаксу знают, как я ценю Дунканов в качестве начальников придворной стражи. Не думаю, что они находят это удивительным. Меня лично забавляет другое – что имя Айдахо носит теперь река, которая течет на том месте, где когда-то высилась одноименная гора, которую пришлось уничтожить, чтобы добыть материал для строительства стен вокруг моего Сарыра.

Конечно, тлейлаксианцы знают, что время от времени я скрещиваю Дунканов с женицинами, исполняя свою селекционную программу. В этих Дунканах есть какая-то монгольская сила... и еще кое-что. Каждый огонь должен чем-то гаситься.

Этот экземпляр я хотел скрестить с Сионой, но теперь это невозможно.

Ха! Он говорит, что мне пора бы «обрушиться» на Тлейлаксу. Почему бы ему прямо не спросить, не собираюсь ли я его заменить?

Я испытываю большое искушение сказать ему об этом.

Рука Айдахо снова опустилась к кейсу. Внутренний монитор Лето включился без промедления.

Лазерное ружье или еще один доклад? Еще один доклад.

Дункан держится настороженно. Он хочет убедиться не только в том, что я ни о чем не подозреваю, но и в том, что я больше не стою его верности. Он слишком долго колеблется. Да, впрочем, он всегда был таким. Сколько раз я говорил ему, что не стану использовать свое предзнание для того, чтобы предсказать время своего исхода из моего нынешнего состояния. Но он сомневается. Он всегда и во всем сомневается.

Эта огромная пещера скрадывает голос, и если бы не моя сверхчувствительность, то здешняя сырость могла бы скрыть химические свидетельства страха. Сейчас я отключусь от восприятия его голоса – Дункан стал невыносимо скучен. Он опять рассказывает мне историю, историю мятежа Сионы, однако нет сомнения, что он одобряет ее последнюю эскападу.

«Это не обычный мятеж», – говорит он.

Он меня достал! Дурак. Все мятежи ординарны и до бесконечности скучны. Все эти революции и восстания скроены на один манер. Движущей силой является пристрастие к собственному адреналину и жажда личной власти. Все эти мятежники и революционеры – не более чем карманные аристократы. Вот почему я могу так легко обратить их.

Почему этот Дункан никогда не слушал меня, когда я пытался это объяснить? Мы же спорили о мятежах вот с этим самым Дунканом. То было наше с ним первое столкновение, и произошло оно именно в этой крипте.

«Искусство правления требует не отдавать инициативу в руки радикальным элементам», – сказал тогда Дункан.

Подумайте, какая педантичность! Радикалы вырастают в каждом поколении, и вы никогда не должны этому препятствовать. Именно это имел в виду Айдахо, говоря: «.. не отдавать инициативу». Он хочет раздавить их, подавить, остановить, не допустить. Дункан – живое доказательство тому, насколько мала разница между военным и полицейским мышлением.

Тогда я сказал ему: «Радикалов стоит бояться только тогда, когда ты пытаешься их подавить. Напротив, ты должен показать, что готов воспользоваться лучшим из того, что они могут предложить».

«Они опасны! Они очень опасны». Он думал, что многократным повторением сумеет убедить меня в истинности своих слов.

Медленно, шаг за шагом, я привел его к пониманию моего метода, и временами он делал вид, что внимательно меня слушает.

«В этом и заключается их слабость. Радикалы все упрощают – для них существует только белое и черное, добро и зло, мы и они. Обращаясь таким образом со сложнейшими проблемами, они разрывают порядок вещей и порождают хаос. Искусство правления, как ты выразился, и заключается в умении управлять хаосом».

«Никто не может управлять неожиданностями».

«Неожиданности? Кто говорит о неожиданностях? В хаосе нет ничего неожиданного, он обладает вполне предсказуемыми характеристиками. Прежде всего он уничтожает порядок и доводит противостояние сил до крайности».

«Но ведь радикалы и стремятся к этому. Разве они не хотят потрясти все до основания, чтобы овладеть ходом событий?»

«Они думают, что делают так. На самом деле они только плодят новых экстремистов, новых радикалов и все начинается сначала».

«Но что, если появится радикал, который, понимая все это, все же пойдет на вас под знаменем радикализма?»

«Это будет не радикал, а соперник, желающий захватить власть».

«И что вы тогда будете делать?»

«С ним надо либо объединиться, либо его надо уничтожить. Это есть самый низший уровень борьбы за власть».

«Но что вы можете сказать о мессиях?»

«Таких, как мой отец?»

Этот Дункан не любит подобных вопросов. Он знает, что неким непостижимым образом я тождествен моему отцу. Он знает, что я могу говорить его голосом и даже надевать его психологическую маску, что моя память о нем точна и неуловима.

Айдахо неохотно заговорил: «Ну да... если хотите».

«Дункан, я весь соткан из них, и я знаю: никогда не было на свете бескорыстных мятежников – они все лицемеры – сознательные или бессознательные, это безразлично».

Помнится, эти слова растревожили осиное гнездо в моей предковой памяти. Некоторые из моих предков так и не расстались с наивной верой в то, что они и только они держали в руках ключ к решению всех проблем человечества. Ну что ж, в этом они очень похожи на меня. Я могу им только посочувствовать, ибо их неудача и есть демонстрация моей правоты.

Однако я вынужден их заблокировать. Нечего привыкать к их обществу. Они очень ядовитые напоминания... так же, как и этот Дункан, который стоит передо мной...

О великий Боже! Он же усыпил мою бдительность, держит в руке лазерное ружье и целится мне в лицо.

– Эй, Дункан! Ты тоже решил меня предать?

Тu quoque, Brute?²

Каждый нерв Лето пришел в состояние боевой готовности. Тело его начало подергиваться. Плоть Червя обладала своей собственной волей.

Айдахо дерзко заговорил:

– Скажи мне, Лето, сколько раз я должен платить за верность?

Лето сразу понял глубинный смысл вопроса: «Сколько раз меня восстанавливали?» Дунканы всегда хотели это знать. Каждый Дункан задавал этот вопрос и оставался недовольным ответом, не веря в него и терзаясь сомнениями.

Лето заговорил самым грустным голосом Муад'Диб:

– Разве ты не гордишься моим восхищением, Дункан? Ты никогда не задумывался над тем, почему я хочу, чтобы ты был моим постоянным товарищем на протяжении стольких веков?

² И ты, Брут? (лат.) – слова Цезаря, произнесенные им, когда среди заговорщиков он увидел Брута.

– Ты считаешь меня законченным и отпетым дураком!

– Дункан! – Голос рассерженного Муад'Дибя всегда приводил в замешательство любого Айдахо. Несмотря на то что Айдахо не знал, что Лето владеет Голосом Бене Гессерит так, как им не могла владеть ни одна Сестра, было вполне предсказуемо, что рука Дункана дрогнет при звуке этого Голоса. Так и случилось – дуло ружья дрогнуло.

Этого оказалось достаточно – тело Лето, развернувшись в мгновение ока, вылетело из тележки. Айдахо никогда не видел, как его повелитель покидает тележку, он даже не предполагал, что такое может произойти. От Лето требовались только две вещи: тело червя должно было почувствовать опасность и освободиться от тележки. Быстрота, с которой все произошло, поразила даже самого Императора.

Теперь главной заботой было лазерное ружье. Его луч мог серьезно поранить, но, однако, мало кто знал о том, какой жар способно перенести тело Червя.

Повернувшись, Лето ударил Айдахо хвостом, и ружье в момент выстрела отклонилось. Рудимент, в который превратилась одна из ног Лето, ощутил страшный ожог, боль заполонила все существо Лето, однако тело Червя было уже запрограммировано и действовало с безошибочной быстротой. Хвост зверя начал совершать сильные биения. Ружье было отброшено далеко в сторону из конвульсивно дернувшейся руки Айдахо.

Откатившись от Дункана, Лето изготавился к новой атаке, но в ней уже не было никакой нужды. Поврежденный рудимент все еще посылал болевые импульсы, и Лето понял, что остаток конечности тяжело обожжен, а один палец просто сгорел. Форелья кожа быстро наросла, закрыв дефект, боль превратилась в ноющую пульсацию.

Айдахо корчился в судорогах. Не было никаких сомнений в том, что он смертельно ранен. Грудная клетка была буквально раздавлена. Судя по дыханию, наступила агония, но Дункан смог открыть глаза и посмотреть на Лето.

Как упрямо одержимы бывают эти смертные! – подумал Лето.

– Сиона! – выдохнул Айдахо.

Лето увидел, как жизнь покидает тело начальника стражи.

Интересно, подумал Лето. Возможно ли, чтобы Дункан и Сиона... Нет! Этот Дункан всегда испытывал презрительное недовольство по отношению к глупостям Сионы.

Лето вновь забрался в Императорскую тележку. То была закрытая модель. Не приходилось сомневаться, что Айдахо целил в мозг. Лето, да и все остальные знали, что его рудиментарные конечности подвержены внешним воздействиям и являются уязвимыми, но его мозг был больше не связан ни с лицом, ни с головой. В человеческом понимании это вообще был не мозг, а цепочка нервных узлов, вытянутая вдоль тела. Это Лето поведал только своим тайным запискам.

*О, какие ландшафты я видел! А каких людей! Дальние странствия
фрименов и все остальное, вплоть до самых древних мифов Терры
– праматери Земли. О, эти уроки астрономии, их захватывающая
интрига, паническое бегство, переселения народов, бесконечный ночной
бег – до онемения в ногах и боли в легких – во всех тех местах вселенной,
где мы защищали свою преходящую собственность. Я говорю вам, что
мы – образец для подражания, и порукой тому моя бесконечная память.
(Похищенные записки)*

Женщина, работавшая за небольшим подвешенным к стене столом, была слишком велика для узкого стульчика, на котором она примостилась. На улице был полдень, но в помещении, находившемся глубоко под землей города Онн, естественно, не было окон, и светильник, расположенный под потолком, был единственным источником света. Несмотря на то что светящийся шар был настроен на теплый желтоватый свет, он был не в состоянии развеять мрачную серость комнаты – стены и потолок были выполнены из тусклого серого металла.

Вся мебель в комнате состояла из единственного топчана – убогой узкой лежанки, застеленной грубым одеялом. Было совершенно очевидно, что никакая мебель в помещении не была предназначена для работавшей в нем женщины.

На ней была надета темно-синяя пижама, туго обтягивающая широкие плечи. Лампа освещала коротко стриженные светлые волосы и правую часть лица с сильно развитой нижней челюстью, беззвучно двигавшейся в такт словам, которые женщина набирала на клавиатуре, лежавшей на столе. Женщина относилась к машине с благоговейным, почти мистическим почтением, граничившим со страхом, который не исчезал, несмотря на давнее знакомство с техникой.

Женщина нажимала клавиши, а на экране, вмонтированном в стену над столом, появлялся текст.

«Сиона продолжает свою деятельность, на основании чего можно предположить, что она готовит нападение на Вашу Священную Особу, – писала женщина. – Сиона остается непоколебимой в своих преступных целях. Она сказала мне, что передаст копии похищенных записей группе лиц, чьей верности Вам ни в коем случае нельзя доверять. Она собирается передать копии Бене Гессерит, Гильдии и иксианцам. Сиона утверждает, что в записках содержатся Ваши зашифрованные слова, и она надеется, что получатели помогут ей перевести Ваши Священные Слова.

Господин, я не знаю, какое Великое Откровение содержится в этих страницах, но если там записано то, что может угрожать Вашей Священной Особе, то я прошу освободить меня от клятвы верности Сионе. Я не могу понять, почему Вы так настаивали на том, чтобы я принесла эту клятву, но я очень ее боюсь.

Остаюсь Вашей преданной слугой, Наила».

Стул закрипел, когда Наила откинулась на спинку и, глядя на экран, принялась обдумывать написанные ею слова. В комнате царила почти неестественная тишина, нарушаемая лишь едва слышным дыханием женщины и работой машины, от которой слегка вибрировал пол.

Наила внимательно перечитывала текст, обдумывая каждое слово. Послание было предназначено исключительно для глаз Бога-Императора и требовало не только безусловной правдивости. Оно требовало предельной искренности и беспристрастности, которые истощали Наилу. Наконец женщина решительно кивнула головой и нажала клавишу, которая закодирует послание и приготовит его к передаче. Склонив голову, она молча помолилась и, повернув столик, утопила его в стену. Послание было передано. Бог лично вмонтировал ей в мозг специальное устройство и лично взял с женщины клятву, что она никогда и ни под каким видом никому об этом не расскажет, предупредив, что может настать момент, когда он, Бог, будет говорить с ней с помощью этого устройства. До сих пор этот момент не наступил. Наила подозревала, что этот аппарат придумали иксианцы – уж очень подозрительный был у него вид. Но Бог сам лично имплантировал ей в мозг этот аппарат, и Наила могла с чистой совестью игнорировать тот факт, что прибор очень походил на компьютер, а они были запрещены Великим Сходом.

«Не сотвори машину по образу и подобию ума!»

Наила содрогнулась. Она встала и поставила стул на его обычное место возле топчана. Тяжелому мускулистому телу было тесно в тонкой синей пижаме. Во всем облике женщины сквозила обдуманность действий, идеально приспособленных к огромной физической силе. Около топчана она оглянулась и посмотрела на то место, где был экран. Сейчас он был закрыт стеной панелью, которая ничем, абсолютно ничем не отличалась от прочих темно-серых металлических панелей.

Наила глубоко вздохнула, взяла себя в руки и вышла из комнаты через единственную дверь в серый проход, освещенный белым шаровым светильником. Здесь шум машин был громче. Наила свернула налево и через несколько минут оказалась в большой комнате Сионы. В середине помещения стоял стол, на котором были сложены вещи, похищенные в Цитадели.

Вся сцена освещалась серебристыми шаровыми лампами – у стола стояли Сиона и ее помощник Топри.

Наила, с восхищением относившаяся к Сионе, не могла понять, что хорошего девушка находит в Топри, по ее мнению, этот человек не заслуживал ничего, кроме откровенной неприязни. Топри был нервный, толстый мужчина с зелеными навывкате глазами, курносый носом, тонкими губами и полным, с ямочкой, подбородком. Голос у Топри был неприятным и визгливым.

– Посмотри-ка, Наила! Нет, ты только посмотри, что нашла Сиона между страницами книг.

Наила молча закрыла и заперла единственную дверь комнаты.

– Ты слишком много говоришь, Топри, – произнесла она. – Ты – болтун. Откуда ты знал, что я в коридоре одна?

Топри побледнел. На лице его появилась сердитая гримаса.

– Боюсь, что она права, – заговорила Сиона. – Почему ты решил, что я хочу, чтобы Наила знала о моем открытии?

– Но ты же полностью ей доверяешь.

Сиона обернулась к Наиле.

– А ты знаешь, почему я тебе доверяю, Наила? – вопрос был задан будничным тоном, лишенным каких бы то ни было эмоций.

Наилу липкой, противной волной окатил страх. Неужели Сиона раскрыла ее тайну?

Неужели я подвела моего господина?

– Ты не можешь ответить мне на этот вопрос?

– Разве я когда-нибудь давала повод подозревать меня? – ответила Наила вопросом на вопрос.

– Это недостаточный повод для доверия, – возразила Сиона. – В мире нет совершенства – ни среди людей, ни среди машин.

– Но тогда почему ты мне доверяешь?

– Потому что твои действия находятся в полном согласии с твоими словами. Вот, например, ты не любишь Топри и не считаешь нужным скрывать это за лживыми словами.

Наила посмотрела на Топри, и тот нервно кашлянул.

– Я ему не доверяю, – призналась женщина.

Слова сорвались с ее языка без всякого обдумывания, и только спустя мгновение Наила осознала истинную причину своей неприязни – Топри предаст любого ради личной выгоды.

Лицо мужчины снова исказилось от гнева.

– Я не собираюсь стоять здесь и спокойно выслушивать ее оскорбления, – сказал он и направился к выходу. Сиона остановила его движением руки. Топри в нерешительности остановился.

– Хотя мы произносим старинные фрименские формулы и клянемся друг другу в верности, не это держит нас вместе, – сказала Сиона. – Все основано на деле и целях. Это единственное, что я принимаю во внимание. Вы меня понимаете?

Топри машинально кивнул, но Наила отрицательно покачала головой.

Сиона улыбнулась женщине.

– Ты не всегда соглашаешься с моими решениями, не правда ли, Наила?

– Нет, – через силу выдавила из себя женщина.

– Больше того, ты никогда не считаешь нужным скрывать свое несогласие, но тем не менее ты всегда мне подчиняешься. Почему?

– Потому что я дала клятву.

– Но я же сказала, что этого недостаточно.

Наила почувствовала, что покрывается потом, поняла, что выдает себя, но не могла ничего поделать. *Как мне быть? Я поклялась Богу, что буду во всем подчиняться Сионе, но не могу сказать ей об этом.*

– Ты должна ответить на мой вопрос, – жестко произнесла Сиона. – Я тебе приказываю.

Наила затаила дыхание. Возникла дилемма, которой она всегда очень боялась. Выхода не было. Она мысленно помолилась и тихо заговорила:

– Я поклялась Богу, что буду тебе повиноваться.

Сиона хлопнула в ладоши и рассмеялась.

– Так я и знала.

Топри усмехнулся.

– Молчи, Топри, – приказала Сиона. – Я хочу преподать урок *тебе*. Ты не веришь никому, даже самому себе.

– Но я...

– Молчать, я сказала! Наила верит. Я верю. Это то, что нас объединяет. Вера.

Топри был до крайности изумлен.

– Вера? Ты веришь...

– Идиот, я верю не в Бога-Императора! Мы верим, что высшая сила поставит на место тирана в облике червя. И мы – та высшая сила.

Наила порывисто вздохнула.

– Все в порядке, Наила, – сказала Сиона. – Мне совершенно все равно, откуда ты черпашь свою силу... и свою веру.

Наила широко улыбнулась. Никогда еще не была она столь сильно взволнована мудростью своего Господа. *Мне позволено говорить правду, и это служит моему Богу!*

– Давайте я лучше покажу вам, что мне удалось найти в этих книгах, – заговорила Сиона и ткнула пальцем в листки обыкновенной бумаги. – Эти листочки были заложены между страницами записок.

Наила обошла вокруг стола и с любопытством посмотрела на бумажки.

– Но сначала посмотрите на это. – Сиона взяла в руку предмет, который Наила поначалу не заметила. Это были прядь волос и тонкий сухой стебелек, на котором было что-то, весьма напоминающее...

– Цветок? – нерешительно спросила Наила.

– Он был заложен между двумя листками бумаги. А на самой бумаге было написано вот это. – Сиона склонилась над столом: – Прядь волос Ганимы и звездный цветок, который она мне однажды подарила.

Сиона посмотрела на Наилу и сказала:

– Оказывается, наш Бог-Император очень сентиментален. Это слабость, которой я от него не ожидала.

– Ганима? – спросила Наила.

– Его сестра! Вспомни Устные Предания.

– О да, я помню. Есть молитва Ганиме.

– А теперь послушайте вот это. – Сиона взяла со стола еще один листок и начала читать:

Песок на берегу сер, как мертвая щека,
В ряби зеленого прилива отражаются мрачные тучи;
Я стою на мокром песке у края воды.
Холодная пена оmyвает мои пальцы.
Я чувствую запах гниющего в воде дерева.

Сиона еще раз взглянула на Наилу.

– Эти стихи озаглавлены: «Слова, которые я написал, когда узнал о смерти Гани». Что ты об этом скажешь?

– Он... он любил свою сестру.

– Да! Он способен любить. О да! Теперь он от нас не уйдет.

Время от времени я позволяю себе сафари, которое не может позволить себе ни один смертный. Для этого мне достаточно сместиться вглубь по оси моей памяти. словно школьник, выбирающий тему для сочинения о проведенных каникулах, я выбираю интересующий меня предмет. Например, пусть это будут... женщины-интеллектуалы! После этого я погружаюсь в океан памяти моих предков. При этом я чувствую себя словно глубоководная рыба. Я открываю рот и начинаю поглощать знания о прошлом. Иногда... только иногда я выбираю для охоты личности, попавшие в анналы истории. Какое это наслаждение лично пережить перипетии жизни этого человека и сравнить их с фактами официальной биографии.

(Похищенные записки)

Монео спускался в крипту с явной неохотой. Ему было грустно и тяжело, но... что поделать, такова служба. Богу-Императору нужно время, чтобы оплакать потерю очередного Дункана... Но жизнь продолжается.

Лифт бесшумно скользил вниз, идеально подчиняясь воле Монео. Иксианцы умели делать надежные механизмы. Правда, однажды Бог-Император крикнул своему мажордому: «Монео! Иногда мне кажется, что тебя тоже изготовили на Иксе!»

Монео почувствовал, что лифт остановился. Двери открылись, и мажордом увидел в полумраке крипты массивную тень Императорской тележки. Никаких признаков того, что Лето заметил прибытие своего слуги. Монео вздохнул и направился к своему господину. Шаги гулко отдавались под сводами огромного помещения. Возле тележки лежало мертвое тело. Никаких *di'ja vi*. Это Монео видел наяву и уже не в первый раз.

Однажды, когда Монео только начинал свою службу, Лето сказал:

– Я вижу, Монео, что тебе не нравится это место.

– Нет, господин.

Потребовалось небольшое усилие памяти, чтобы явственно услышать голос из такого наивного прошлого. И голос Лето, который ответил:

– Ты не считаешь мавзолеей приятным местом, Монео, я же нахожу его источником бесконечной силы.

Монео вспомнил, как ему захотелось сменить тему разговора.

– Да, мой господин.

Но Лето настаивал:

– Здесь очень мало моих предков. Здесь вода Муад'Диб. Гани и Харк аль-Ада тоже здесь, но они не мои предки. Нет, это не захоронение моих предков, этот мавзолей – я. Здесь Дунканы и другие порождения моей селекционной программы. Ты тоже окажешься здесь в один прекрасный день.

Монео вдруг осознал, что от таких воспоминаний он несколько замедлил шаг. Он вздохнул и двинулся быстрее. Лето временами бывал очень нетерпелив, но пока он не подавал никаких знаков своего присутствия. Однако старый мажордом был слишком опытен, чтобы не понимать, что Лето следит сейчас за каждым его шагом.

Лето возлежал на тележке с закрытыми глазами, включив для слежения за Монео другие чувства. Сейчас Императора занимали мысли о Сионе.

Сиона – мой заклятый враг, думал он. Мне не нужны донесения Наилы, чтобы знать это. Сиона – женщина поступка. Она живет на поверхности такой огромной энергии, что

это наполняет мои фантазии необыкновенным восторгом. Я не могу бросать вызов этим энергиям, не испытывая при этом экстаза. Именно эти фантазии суть оправдание моего бытия, всего, что я до сих пор сделал... Они – оправдание даже тела этого глупого Айдахо, которое лежит здесь передо мной.

Слух подсказывал Лето, что Монео не прошел еще и половины пути, отделявшего его от тележки. Человек шел все медленнее и медленнее, потом, словно опомнившись, снова убыстрил шаг.

Какой подарок преподнес мне Монео в виде этой девочки. Своей дочери, подумал Лето. Сиона свежа и драгоценна. Она – это новое, в то время как я являю собой собрание ветхих древностей, проклятых реликтов, потерь и заблуждений. Я – собрание пропавших кусков истории, исчезнувших из вида и затонувших в глубинах прошлого. Никто из смертных не может представить себе такого скопища мерзавцев.

Лето выстроил свое прошлое в памяти, чтобы показать им то, что происходит в крипте. *Мой конек – мелочи!*

Однако Сиона... Сиона – это чистая грифельная доска, на которой можно начертать великие письма.

Я храню эту грифельную доску с величайшим тщанием. Я готовлю ее, очищаю ее.

Что хотел сказать Дункан, когда произнес ее имя?

Монео не слишком уверенно приблизился к ложу повелителя, зная наверняка, что тот не спит.

Лето открыл глаза, когда Монео остановился возле трупа Дункана. От лицезрения этой сцены Император получил величайшее удовольствие. На мажордоме была надета белая форма Дома Атрейдес без знаков различия. Маленький нюанс – лицо Монео было известно почти так же, как и лицо самого Лето, и служило лучшим знаком различия. Монео застыл в терпеливом ожидании, ни одним жестом не выдав своих чувств. Густые светлые волосы были разделены безупречным прямым пробором. В глубине серых глаз таилась прямота, которая является отражением осознания своей огромной власти. Этот взгляд Монео прятал лишь в присутствии Бога-Императора, да и то не всегда. Не впервые приходилось мажордому видеть труп на полу крипты.

Лето продолжал хранить молчание, и Монео, откашлявшись, заговорил первым:

– Я очень опечален, мой господин.

Замечательно! – подумал Лето. Он знает, что я испытываю искреннее сожаление по поводу смерти каждого Дункана. Монео читал их донесения и часто видел их мертвыми. Он-то прекрасно знает, что лишь девятнадцать Дунканов умерли естественной смертью – остальные были убиты.

– У него было иксианское лазерное ружье, – сказал Лето.

Монео метнул взгляд влево, где валялось оружие, давая тем самым понять Императору, что уже успел заметить ружье. Он снова обернулся к Лето, опустив глаза к полу, где лежал труп.

– Вы не ранены, мой господин?

– Это совершеннейший пустяк.

– Но он сумел причинить вам травму.

– Эти плавники мне совершенно не нужны. Через пару сотен лет они и сами исчезнут.

– Я лично позабочусь о теле Дункана, мой господин, – сказал Монео. – Есть ли здесь...

– Та часть моего тела, которую он сжег, превратилась в пепел. Мы разведем его здесь.

Крипта – самое подходящее для этого место.

– Как прикажет мой господин.

– Прежде чем избавиться от тела, разряди ружье и оставь его в таком месте, где я мог бы представить его иксианскому послу. Что же касается пилота Гильдии, который предупредил нас о ружье, то его надо наградить десятью граммами Пряности. Да, кстати, наши жирицы на

Гьеди Один должны быть извещены о тайном складе меланжи; вероятно, это остатки контрабандных запасов старого Харконнена.

– Как вы желаете распорядиться Пряностью, когда она будет найдена?

– Часть пойдет на оплату тлейлаксианцев за изготовление нового гхола. Остальное следует перенести сюда, в крипту.

– Мой господин. – Монео склонил голову в легком полупоклоне, давая понять, что понял приказ и готов его исполнить. Мажордом взглянул в глаза повелителя.

Лето улыбнулся, подумав: *Мы оба знаем, что Монео не уйдет, пока не выяснит прямо обстоятельства дел, которые интересуют нас больше всего.*

– Я видел донесение о Сионе, – заговорил Монео.

Лето улыбнулся еще шире. Видеть Монео в такие минуты было сущим наслаждением. Его слова касались множества вещей, которые не требовали никакого обсуждения. Его слова и поступки находились в полном согласии друг с другом, и им обоим было ясно, что Монео находится в курсе всего происходящего при дворе да и вообще в Империи. Естественно, он озабочен судьбой собственной дочери, но хочет, чтобы его озабоченность была истолкована владыкой как беспокойство о высшем благе – благе Империи. Пройдя подобную эволюцию сам, Монео прекрасно понимал природу нынешних дарований Сионы.

– Разве не я создал ее, Монео? – спросил Лето. – Разве это не я позаботился о ее родословной и надлежащем воспитании?

– Она – моя единственная дочь, мое единственное дитя, господин.

– Кстати, она сильно напоминает мне Харка аль-Ада, – продолжал Лето. – В ней очень немного от Гани, я полагал, что от моей сестры она унаследует больше. Кажется, Сиона вернулась к исходному пункту селекционной программы Общины Сестер.

– Зачем вы говорите это мне, мой господин?

Лето задумался. Надо ли Монео знать такие частности о своей дочери? Временами Сиона уклоняется с пути предзнания. Золотой Путь оставался, но Сиона сворачивала с него. Однако... Сиона не обладает предзнанием. Она уникальна... и если останется в живых... Нет, не стоит снижать эффективность работы Монео подобного рода информацией.

– Припомни свое собственное прошлое, – сказал Лето.

– Действительно, господин! У нее такие способности, такой потенциал, которого у меня никогда не было. Но это делает ее опасной.

– К тому же она совсем тебя не слушается, – проговорил Лето.

– Нет, но я внедрил в среду ее мятежников своего агента.

Должно быть, это Топри, подумал Лето.

Не надо было обладать предзнанием, чтобы понимать: Монео обязательно внедрит в эту среду своего агента. С самого момента смерти матери Сионы Лето знал обо всех действиях Монео, даже о тех, которые он только замыслил. Наила давно заподозрила Топри. И вот теперь Монео обнаружил свои страхи и свои действия, чтобы обеспечить своей дочери большую безопасность.

Как жаль, что эта женищина успела родить от Монео только одного ребенка.

– Вспомни, как я обращался с тобой в подобной ситуации, – сказал Лето. – Ты знаешь требования Золотого Пути не хуже, чем я.

– Но тогда я был молод и глуп, мой господин.

– Ты был молод и дерзок, но отнюдь не глуп.

Монео позволил себе натянутую улыбку, принимая комплимент и все больше и больше убеждаясь в том, что только теперь понимает намерения Лето. *Однако они очень опасны!*

Желая укрепиться в своем убеждении, он сказал:

– Вы же знаете, как я обожаю сюрпризы.

Это верно, подумал Лето. Монео обо всем догадывается. Но даже удивляя меня, Сиона постоянно напоминает о том, чего я боюсь больше всего на свете – обыденности и скуки, которые могут исказить Золотой Путь. Надо лишь вспомнить, как скука едва не позволила Дункану одолеть меня! Сиона – это тот контраст, который позволяет мне понимать мой глубинный страх. Озабоченность Монео по поводу меня вполне понятна и обоснованна.

– Мой агент будет продолжать наблюдение за ее новыми товарищами, господин, – сказал Монео. – Они мне не нравятся.

– Ее товарищи? У меня самого когда-то были подобные товарищи.

– Мятежники, господин? У вас? – Монео был не на шутку изумлен таким признанием.

– Разве я не доказал, что являюсь другом бунтовщиков?

– Но, господин...

– Аберрация прошлого в нашей памяти распространена гораздо шире, чем ты думаешь!

– Да, господин. – Монео был обескуражен, хотя его все еще разбирало любопытство. Он знал, что Лето обычно становится разговорчивым после смерти очередного Дункана. – Должно быть, вы знали многих мятежников, мой господин.

При этих словах мысли Лето невольно погрузились в глубины памяти о предках, которые восстали перед его внутренним взором.

– Ах, Монео, – пробормотал Лето. – Мои путешествия по закоулкам, где прячутся мои предки, воссоздают такие события, которые я больше никогда не желаю видеть.

– Могу себе представить эти внутренние путешествия, господин.

– Нет, ты не можешь этого представить. Я видел людей и планеты в таком количестве, что они потеряли свое значение даже в моем воображении. О, какие ландшафты я видел. Узор чужих дорог выступает из пространства и запечатлевает во мне это внутреннее видение, запечатлевает в моей памяти осознание того, что я – ничтожная пылинка.

– Не вы, мой господин. Определенно, это не вы.

– Я меньше, чем пылинка! Я видел людей и их бесплодные сообщества с такой регулярной повторяемостью, что их полная бессмыслица наполнила меня скукой, слышишь?

– Я не хотел разгневать вас, господин, – кротко произнес Монео.

– Ты не злишь меня. Иногда ты меня раздражаешь, но не более того. Ты не можешь себе представить всего того, что я видел, – халифов и меджидов, рак, раджей и башаров, королей и императоров, премьер-министров и президентов – я видел их всех, вплоть до самого ничтожного фараона.

– Простите мне мою самонадеянность, господин.

– Проклятые римляне! – воскликнул Лето.

Он сказал то же самое мысленно, обращаясь к предкам. *Проклятые римляне!*

Скопище предков разразилось в ответ жутким хохотом.

– Я не понимаю вас, господин, – осмелился проговорить Монео.

– Это правда. Ты действительно меня не понимаешь. Римляне распространили по миру болезнь фараонов, разбрасывая ее семена, как сеятели разбрасывают зерна. От этого семени произошли всходы – цезари, кайзеры, цари, императоры... казери... палатосы... и проклятые фараоны!

– Я не знаю многих из этих титулов, мой господин!

– Возможно, я последний из их числа, Монео. Молись, чтобы это было так.

– Как прикажет мой господин.

Лето взглянул на человека.

– Мы – убийцы мифа, Монео. Ты и я. Это мечта, которую мы оба разделяем. Могу уверить тебя с моей олимпийской высоты, что правительство – это миф, в который верят многие. Как только умирает миф, умирает и правительство.

– Так ты учил меня, господин.

– Нашу мечту породил инструмент, состоящий из людей-автоматов, – армия, друг мой. Монео нервно откашлялся.

Лето понял, что мажордом проявляет признаки нетерпения.

Монео все понимает относительно армий. Он знает, что только глупец может считать армию основным инструментом государственного правления.

Лето молчал, и Монео направился к лазерному ружью, поднял его с холодного пола крипты и принялся разряжать.

Лето наблюдал за его действиями и думал о том, что эта маленькая сценка является отражением сути армейского мифа. Армия питает технику, поскольку сила автоматического оружия кажется столь очевидной близоруким и недалёковидным.

Лазерное ружье – это не более чем простая машина. Но всякая машина отказывает или ее превосходит другая машина. Однако армия держится за машину как за святыню – чарующую и одновременно страшную. Посмотрите, как люди боятся иксианцев! Армия нутром чувствует, что они – ученики чародея. Вооружение снимает узду с техники, и этого джинна уже невозможно загнать обратно в бутылку.

Я же учу их иной магии.

Лето обратился к толпе своих предков:

«Вы видите? Монео разрядил этот смертоносный инструмент. Связь прервалась, капсула раздавлена».

Лето втянул носом воздух, ощутив эфирный запах ружейного масла, смешанный с запахом пота Монео.

Обращаясь к предкам, Лето продолжил: *«Но джинн не умер. Технология – питательная среда для анархии. Она способствует широкому распространению таких инструментов, а это провоцирует насилие. Способностью производить невиданные разрушения начинают обладать все более мелкие группы, и так продолжается до тех пор, пока оружие не попадает в руки каждого отдельно взятого человека».*

Монео вернулся на прежнее место, держа в правой руке разряженное ружье.

– На Парелле и планетах Дана поговаривают о новом джихаде против подобного оружия.

Монео поднял вверх ружье, улыбкой давая понять Лето, что понимает всю парадоксальность таких пустых мечтаний.

Лето прикрыл глаза. Орда предков подняла было крик, но Император заглушил их, подумав: *Джихады порождают армии. Бутлерианский джихад пытался избавить мир от машин, имитирующих мозг человека. Бутлериане оставили на страже армии, и иксианцы получили возможность создавать свои сомнительные механизмы... Спасибо им за это. Что же такое анафема? Ее мотивация – разрушение, и никакого значения не имеет, какое орудие применяют для этой цели.*

– Это произошло, – пробормотал он.

– Что вы сказали, мой господин?

Лето открыл глаза.

– Я поеду в свою башню, – сказал он. – Хочу наедине с собой оплакать моего верного Дункана.

– Новый Айдахо находится на пути сюда, – сказал Монео.

Вы – первый, кто видит мои записки спустя четыре тысячи лет после их создания. Однако берегитесь. Не стоит раздуваться от гордости за первенство в открытии тайны этого иксианского хранилища. Обнаружив и прочитав записки, вы испытаете боль. У меня было всего несколько озарений, позволивших мне изредка заглядывать во тьму будущего через четыре тысячелетия. Эти прозрения убедили меня, что Золотой Путь продолжается и будет продолжаться. Поэтому я не уверен, что мои записки будут очень важны для людей вашего времени.

Я твердо знаю только одно – мои записи канули в небытие, и сведения о событиях, о которых я рассказываю, будут до неузнаваемости искажены преданиями и историческими хрониками. Могу заверить вас, что прозрение будущего – весьма скучное занятие. Даже если вас почитают за Бога, каковым я определенно был, то и в этом бесконечная скука. Мне не раз приходило в голову, что священная скука есть достаточное основание для изобретения свободы воли.

(Надпись на воротах хранилища в Дар-эс-Балате)

Я – Дункан Айдахо.

Это было единственное, что он хотел знать наверняка. Ему не нравились объяснения тлейлаксианцев, их *рассказы*. Но делать нечего, тлейлаксианцев всегда боялись. Им не доверяли и их боялись.

Они доставили его на эту планету в маленьком челноке Гильдии на рассвете, когда зеленый венец солнца только что засветился на горизонте. Зайдя на посадку, звездолет нырнул в глубокую и темную тень. Космопорт не был похож ни на что, виденное Дунканом прежде. Взлетная полоса была больше и окружена странными зданиями.

– Вы уверены, что это Дюна? – спросил он.

– Это Арракис, – поправил сопровождавший Айдахо тлейлаксианец.

В запертой машине Дункана привезли в какой-то дом в городе, название которого – Онн – сопровождавший называл, произнося «н» в нос. Комната, где его оставили, имела площадь не более трех метров и представляла собой куб с голыми стенами. В помещении не было светильников, но оно было залито теплым желтоватым светом.

Я – гхола, сказал он себе.

Это было потрясение, но в этот факт ему придется поверить. Сознание того, что он жив, несмотря на то что умер много столетий назад, было само по себе большим испытанием. Тлейлаксианцы взяли клетки его мертвой плоти и вырастили существо в одном из своих чанов. Эти клетки начали размножаться и превратились в существо, имеющее его нынешнее тело, в котором сам Айдахо поначалу чувствовал себя чужаком.

Он опустил взгляд и принялся рассматривать свое тело. Оно было одето в темно-коричневые брюки и куртку из грубой ткани, которая раздражала кожу. На ногах были обуты простые сандалии. Вот и все, чем они снабдили его, – кроме тела, разумеется. Такая бережливость могла многое сказать об истинном тлейлаксианском характере.

В помещении отсутствовала какая бы то ни было мебель. В стене была единственная дверь без ручки. Айдахо внимательно оглядел потолок, стены и дверь. Взгляду было не за что зацепиться, однако Дункана не покидало ощущение, что за ним внимательно наблюдают.

– За вами придут женщины из Императорской гвардии, – сказали ему на прощание сопровождающие и ушли, издевательски посмеиваясь.

Женщины из Императорской гвардии?

Тлейлаксианский эскорт испытывал прямо-таки садистское наслаждение от своей способности изменять черты лица. Никогда не знаешь, на кого станет похожа в следующую минуту эта образина – настолько пластична и текуча была их плоть.

Проклятые мордоплясы!

Они знали о нем все. Знали, конечно, и о его отвращении к людям, меняющим свою форму.

Можно ли доверять чему бы то ни было, если это исходит от мордоплясов? Очень и очень немногому. Можно ли верить тому, что они говорят?

Мое имя. Я знаю мое имя.

Кроме того, у него есть память. Они шокировали Дункана, наделив его прежней памятью. Вообще, гхола не должны обладать способностью знать о своей исходной идентичности. Но

для него тлейлаксианцы сделали исключение и заставили его поверить в истинность памяти, потому что он понял, что именно они сделали.

Он знал, что в начале был лишь полностью сформированный гхола – взрослый человек, точнее, его плоть, лишенная имени и памяти, – палимпсест, на котором тлейлаксианцы могли написать все, что им заблагорассудится.

– Ты – гхола, – сказали они ему. Это и было его единственным именем на протяжении очень долгого времени. С гхола обращались как с послушным ребенком, обучая его убивать определенного человека – человека, как две капли воды похожего на Пауля Муад'Диба, которого Айдахо обожал и которому служил верой и правдой. Сходство было настолько велико, что Дункан решил, что это тоже гхола. Но откуда тлейлаксианцы могли взять клетки Муад'Диба?

В клетках Айдахо было что-то, что не давало ему бунтовать против Атрейдесов. Он помнил, как стоял с ножом в руке против копии Муад'Диба, который смотрел на него с выражением гнева и страха.

Память вливалась в сознание мощным потоком. Он помнил гхола и помнил Дункана Айдахо.

Я – Дункан Айдахо, оруженосец Атрейдесов.

Стоя посреди желтой комнаты, Дункан начал вспоминать.

Я погиб, защищая Пауля и его мать в сиемче, расположенном в недрах песков Дюны. Я вернулся на эту планету, но Дюны больше нет. Теперь это всего-навсего Арракис.

Он читал усеченную историю Дюны, которой снабдили его тлейлаксианцы, но не поверил ни единому слову. *Более тридцати пяти столетий?* Кто поверит, что живая плоть может существовать столь долгий срок? Но... на Тлейлаксу все возможно. Пришлось довериться собственным чувствам.

– Вас было очень много, – сказал ему инструктор.

– Сколько?

– Это тебе расскажет Господь Лето.

Господь Лето?

История Тлейлаксу утверждает, что господин Лето Второй – это внук того самого Лето, которому Айдахо служил с фанатичной преданностью. Однако этот второй Лето стал таким странным созданием, что Дункан так и не смог понять природу его трансформации.

Как может человек постепенно превратиться в песчаного червя? Как может мыслящее существо жить более трех тысяч лет? Даже самые сумасшедшие дозы гериатрической Пряности не могут обеспечить такого долголетия.

Лето Второй, Бог-Император?

Нет, нельзя верить в эти тлейлаксианские небылицы!

Айдахо вспомнил этого странного ребенка... Хотя нет, ведь это были близнецы – Лето и Ганима, дети Чани, умершей во время родов. Тлейлаксианская история утверждает, что Ганима умерла, прожив срок нормальной человеческой жизни, но Бог-Император Лето продолжал жить и жить, и жить...

– Лето – тиранин, – сказал инструктор. – Он приказал нам изготовить тебя в наших бродильных чанах и прислать ему для несения службы. Мы понятия не имеем, что случилось с твоими предшественниками.

И вот я здесь.

Айдахо еще раз оглядел голые стены и потолок.

Послышался приглушенный звук голосов, и он взглянул на дверь. Голоса по-прежнему звучали глухо, но один из них несомненно принадлежал женщине.

Женщины Императорской гвардии?

Дверь беззвучно открылась внутрь, и в помещение вошли две женщины. Первое, что привлекло внимание Айдахо, было то, что одна из женщин была в маске – на ее голову был накин-

нут капюшон из тонкой ткани – она могла свободно видеть все, что происходит вокруг, сквозь эту ткань, но ее лицо не мог разглядеть никто, даже пользуясь самыми совершенными оптическими приборами. Сам этот капюшон был красноречивым свидетельством того, что иксианцы или их наследники все еще живы и работают не покладая рук на благо Империи. Женщины были одеты в форменные комбинезоны темно-синего цвета, на груди у обеих были значки – ястреб Атрейдесов на красном поле.

Айдахо внимательно рассматривал женщин, пока они закрывали дверь.

Женщина в маске отличалась плотным телосложением, вся ее фигура дышала мощью. Она передвигалась с обманчивой неуверенностью человека, посвятившего жизнь физическому усовершенствованию. Вторая женщина на фоне первой выглядела хрупкой и тонкокостной. На лице с высокими скулами выделялись миндалевидные глаза. На поясах женщин висели вложенные в ножны кинжалы, которыми они, без сомнения, мастерски владели.

Стройная женщина заговорила:

– Меня зовут Люли. Пусть я буду первой, кто назовет вас полковником. Моя спутница должна остаться безымянной. Так приказал наш господин Лето. Вы можете называть ее Другом.

– Полковник? – переспросил Айдахо, не веря своим ушам.

– Господин Лето пожелал, чтобы вы командовали его Императорской гвардией, – ответила Люли.

– Вот как? Но давайте сначала поговорим с ним об этом.

– О нет! – возразила потрясенная Люли. – Господин Лето примет вас в нужное время. Но сейчас он желает, чтобы мы позаботились о вашем удобстве и радости.

– И я должен вам беспрекословно подчиниться?

В ответ Люли лишь озадаченно покачала головой.

– Я раб?

Люли успокоилась и улыбнулась:

– Ни в коем случае. Дело в том, что у господина Лето очень много дел и забот, которые требуют его личного внимания. Для вас он выделил подходящее для себя время. Он послал нас, потому что беспокоится за судьбу своего Дункана Айдахо. Вы слишком долго были в руках грязных тлейлаксианцев.

Грязных тлейлаксианцев, подумал он.

В этом отношении по крайней мере ничего не изменилось.

Однако одно место в объяснении Люли его сильно обеспокоило.

– *Его* Дункан Айдахо?

– Разве вы не воин Атрейдесов? – ответила Люли вопросом на вопрос.

Она попала в точку. Айдахо кивнул и покосился в сторону женщины в маске.

– Почему у вас закрыто лицо?

– Никто не должен знать, что я служу господину Лето, – ответила женщина. У нее было мягкое, приятное контральто, но Айдахо решил, что и это результат действия хитроумного капюшона.

– Тогда зачем вы здесь?

– Господин Лето доверил мне определить, не испортили ли вас грязные тлейлаксианцы.

В горле у Айдахо внезапно пересохло. Эта мысль несколько раз приходила ему в голову еще на борту транспорта Гильдии. Если они смогли натаскать его на убийство дорогого друга, то кто знает, что еще могли они вложить в душу возрожденной плоти.

– Я вижу, что вы думали об этом, – проницательно заметила женщина в маске.

– Вы ментат? – спросил Дункан.

– О нет, – живо вмешалась в разговор Люли. – Господин Лето не разрешает воспитывать ментатов.

Айдахо посмотрел на Люли, потом снова обратил свой взор на женщину в маске. *Никаких ментатов.* Тлейлаксианская история умалчивает об этом интересном факте. Но почему Лето запрещает подготовку ментатов? Несомненно, человеческий ум, подготовленный для выполнения логических и вычислительных операций, все еще нужен и наверняка пользовался бы спросом. Тлейлаксианцы заверили его, что Великое Соглашение все еще сохраняет силу, и производство мыслящих машин считается святотатством. Но эти женщины наверняка знают, что Атрейдесы всегда использовали ментатов.

– Как вы считаете, – заговорила женщина в маске, – испортили ли грязные тлейлаксианцы вашу психику?

– Я не... не думаю.

– Но вы в этом не уверены?

– Нет.

– Не бойтесь, полковник Айдахо, – сказала женщина. – У нас есть способы выяснить это и устранить последствия, если они имеют место. Однажды грязные тлейлаксианцы попробовали сыграть с нами такую шутку, но дорого заплатили за свою ошибку.

– Ваши слова вселяют в меня уверенность. Не направил ли господин Лето мне какое-либо послание?

На этот вопрос ответила Люли:

– Он велел заверить вас в том, что он любит вас, как всегда любили вас все Атрейдесы. – Люли пришла от своих слов в благоговейный трепет.

Айдахо слегка расслабился. Как старый служака Атрейдесов, великолепно подготовленный оруженосец, он использовал эту встречу для того, чтобы без труда выяснить для себя несколько вопросов. Эти две женщины были отлично натасканы, буквально выдрессированы для несения службы и беспрекословного подчинения. Если для того, чтобы замаскировать личность женщины, потребовалось лишь надеть капюшон, то можно сказать, что в окружении Лето достаточно много женщин подобного телосложения. Все это говорило о том, что самого Лето на каждом шагу подстерегают опасности, которые требуют мер предосторожности, системы шпионажа и большого арсенала вооружений.

Люли испытующе взглянула на свою спутницу.

– Что скажешь, Друг?

– Его можно отправить в Цитадель, – ответила женщина в маске. – Здесь мне не нравится – в этой комнате побывали тлейлаксианцы.

– Я бы с удовольствием принял горячую ванну и переоделся, – сказал Айдахо.

Люли продолжала смотреть на свою подругу.

– Ты уверена?

– Мудрость господина не подлежит сомнению, – ответила женщина в маске.

Айдахо не уловил признаков фанатизма в голосе Друга, но уверился в цельности Атрейдесов. Они бывали циничными и вероломными по отношению к чужакам и врагам, но к своим людям относились справедливо и сохраняли по отношению к ним верность слову. Превыше всего для Атрейдесов была верность своим людям.

А я – один из их людей, подумал Айдахо. *Но что со мной случилось, что меня заменяют?* При этом он понимал, что эти две женщины не в состоянии ответить на подобный вопрос.

На него ответит Лето.

– Мы отправляемся? – спросил он. – Я просто горю желанием смыть с себя тлейлаксианскую грязь.

Люли ласково улыбнулась:

– Пойдемте. Я сама вас искупаю.

*Враги усиливают тебя.
Союзники ослабляют.*

Я говорю это в надежде помочь вам понять, почему я действую так, а не иначе, полностью сознавая, что в Империи накапливаются силы, единственной целью которых является мое уничтожение. Вы, кто читает эти записки, наверняка знаете, что фактически произошло, но не понимаете сути происшедшего.
(Похищенные записки)

Церемония «Показа», которой начинались собрания революционеров, производила на Сиону неизменно очень тягостное впечатление. Она сидела в первом ряду и старалась не смотреть на Топри, который вел церемонию. Это помещение в заброшенной штольне близ Онна настолько напоминало все остальные места сходов, что могла служить стандартной моделью места конспиративных встреч.

Место встречи бунтовщиков – класс Б, подумала она.

Официально это место было складским помещением, поэтому светильники горели здесь постоянно, излучая призрачный белый свет. Комната была тридцать шагов в длину и примерно столько же в ширину. Пройти в нее можно было по длинному коридору, шедшему через анфиладу подобных помещений, одно из которых было заставлено складными стульями и предназначалось для отдыха персонала подземных коммуникаций. Теперь на этих стульях сидели девятнадцать друзей Сионы, несколько стульев были свободны на случай, если подойдут опоздавшие.

Время встречи было выбрано в промежутке между ночной и утренними сменами, чтобы не бросалось в глаза слишком большое количество рабочих. Большинство повстанцев были переодеты в рабочие робы, некоторые, включая Сиону, были одеты в зеленую форму инспекторов-механиков.

Голос Топри звучал с навязчивой монотонностью, но в нем не было визгливых интонаций, от которых он умел непостижимым образом избавляться во время проведения церемонии. Сиона против воли была вынуждена признать, что Топри в этой роли был на своем месте, хотя ее отношение к Топри несколько изменилось после того, как Наила заявила, что не доверяет этому человеку. Наила умела говорить наивные вещи с необыкновенной прямоотой, срывая все маски. Кроме того, за последнее время Сиона и сама кое-что узнала о Топри.

Сиона повернула голову и взглянула на него. Холодный серебристый свет лишь подчеркивал бледность его лица. Во время церемонии Топри пользовался копией фрименского ножа, приобретенного организацией не вполне законным путем. Глядя на клинок в руке Топри, Сиона припомнила, как происходила эта покупка. Идея принадлежала Топри, и Сионе она в какой-то момент пришлась очень по душе. Он назначил ей встречу в какой-то лачуге на окраине Онна, для этого пришлось покинуть город в сумерках. Пришлось ждать глубокой ночи, когда фримен – сотрудник Музея фримена – мог без опаски встретиться с ними, поскольку жителям сиегча запрещалось покидать его пределы без специального разрешения Бога-Императора.

Сиона уже отчаялась ждать, когда долгожданный фримен вынырнул из темноты и вошел в хибарку, а сопровождавшие его люди остались охранять вход. Топри и Сиона сидели на лавке у влажной стены в совершенно убогой комнате. Единственным источником света был факел на длинной палке, воткнутой в грязную стену.

Первые же слова фримена вызвали возмущение Сионы.

– Вы принесли деньги?

Топри и Сиона одновременно поднялись при появлении этого человека. Топри, казалось, совершенно не тронул вопрос. Он похлопал рукой по объемистому кошельку, спрятанному под одеждой. Раздался мелодичный звон монет.

– Деньги у меня с собой.

Фримен представлял собой довольно комичную фигуру – согбенную и неуклюжую. Он был одет в копию старинной фрименской одежды, под которой что-то поблескивало, – по-видимому, новомодная версия защитного костюма. Капюшон был надвинут на лоб, почти совершенно скрывая лицо. Мигающий свет факела отбрасывал на его лицо пляшущие отблески.

Человек посмотрел сначала на Топри, потом на Сиону и только после этого достал из-за пазухи какой-то предмет, завернутый в тряпицу.

– Это настоящая копия, – сказал он, – но сделана из пластика, этим ножом даже масла не разрежешь.

Он извлек из упаковки лезвие и поднял его вверх.

Сиона, которая видела ножи только в музее и на видеоматериалах семейного архива, была зачарована при виде клинка. В ней сработал какой-то атавистический рефлекс, она моментально вообразила этого музейного беднягу в образе настоящего фримена прошлых эпох с настоящим ножом в руке. Подделка, которую он держал в руке, на какой-то краткий миг превратилась в грозное оружие, блистающее при свете факела.

– Я гарантирую аутентичность клинка, – тихо проговорил фримен. В самой невыразительности его голоса таилась какая-то неясная угроза.

Сиона уловила скрытый яд в его округлых вкрадчивых гласных и встрепелась.

– Если ты попытаешься предать нас, то мы раздавим тебя, как червяка, – пригрозила она.

Топри ошарашенно взглянул на Сиону.

Музейный фримен съежился, словно от удара. Нож дрогнул в его руке, но карликовые пальцы сжались так, словно вцепились в чье-то горло.

– Кто говорит о предательстве, госпожа? Нет, нет. Но мы решили, что запросили слишком малую цену за товар. Конечно, она не самая лучшая, но, изготавливая ее, мы подвергали себя очень большой опасности.

Сиона горящими глазами посмотрела на фримена и вспомнила старое фрименское изречение из Преданий: *«Если твоя душа стала душой торговца, то сукк стал полнотой твоего бытия»*.

– Сколько ты хочешь?

Он назвал сумму, вдвое превышающую исходную.

Топри едва не задохнулся.

Сиона обратилась к своему спутнику:

– У тебя есть столько?

– Не все, ведь мы же договаривались...

– Отдай ему все, что у нас есть. Все до последней монеты, – произнесла Сиона.

– Все?

– Ты что, не понял, что я сказала? – Она посмотрела в лицо служителю музея. – Ты получишь требуемое.

В ее интонациях не было сомнений, и старик завернул лезвие в тряпицу и передал девушке.

Топри, выругавшись сквозь зубы, отдал фримену кошель с деньгами.

Сиона повернулась к музейному фримену:

– Мы знаем твое имя. Ты – Тейшар, помощник Гаруна из Туоно. У тебя душа *сукк*, и мне стыдно, что фримены стали такими.

– Госпожа, но мы тоже хотим жить, – запротестовал старик.

– Вы не живете, – отрезала Сиона. – Убейся!

Тейшар повернулся и быстро удалился, прижимая к груди кошель с деньгами.

Воспоминание о той ночи не доставило удовольствия Сионе, когда она рассматривала Топри, размахивавшего пластиковой копией фрименского ножа. *Мы не лучше, чем Тейшар,*

подумала она. *Копия – это хуже, чем ничто.* Топри взмахнул нелепой подделкой над головой, и вступительная церемония окончилась.

Сиона отвернулась от Топри и посмотрела на Наилу, сидевшую рядом с ней по левую руку. Девушка внимательно посматривала то в одну сторону, то в другую. Особое внимание она уделяла новым рекрутам, сидевшим в задних рядах. Заслужить доверие Наилы было задачей не из легких. Сиона сморщила нос – в воздухе повеяло запахом машинного масла. В этих подземельях Она постоянно витают какие-то опасные механические запахи. Она шмыгнула носом. А это помещение! Ей никогда не нравились подобные места встреч. Такие катакомбы легко могут превратиться в ловушку. Охрана может перекрыть выход и пустить по коридорам вооруженный патруль. Слишком легко можно покончить в этих подвалах со всей их революцией. Сиона чувствовала себя вдвойне неуютно от того, что это место для встреч выбрал Топри.

Одна из немногих ошибок Улота, подумала она. Бедный мертвый Улот, ведь это он предложил принять Топри в организацию.

– Он – мелкая сошка в городской коммунальной службе, – объяснял свое решение Улот. – Топри может предложить множество мест для тайных встреч и складов оружия.

Тем временем Топри наконец добрался до конца своей церемонии. Он положил нож в украшенный узором футляр и поставил футляр у своих ног.

– Мое лицо – это залог моей честности, – сказал он, повернувшись к аудитории сначала правым боком, потом левым, демонстрируя всем свой профиль. – Я показываю вам лицо, чтобы вы могли узнать меня где угодно и знать, что я – один из вас.

Дурацкая церемония, подумала Сиона.

Однако она не осмелилась ломать ритуал, и когда Топри извлек из кармана черную марлевую маску и надел ее на лицо, она последовала его примеру. По комнате прошло некое шевеление. Все надели маски. Большинство присутствующих знали, что Топри пригласил на встречу какого-то особого гостя. Сиона завязала шнурки маски за ушами, сгорая от нетерпения.

Топри прошел к одной из дверей комнаты. Раздался стук складываемых стульев – люди вставали у стены, противоположной двери. По сигналу Сионы Топри трижды постучал в дверь, потом сосчитал до двух и постучал еще четыре раза.

Дверь тотчас же открылась, и в комнату вошел высокий мужчина в официальном костюме. На нем не было маски, все могли видеть его лицо – тонкое, властное, с тонкими губами, узким хрящеватым носом, темными, глубоко посаженными темно-кариими глазами под кустистыми бровями. Почти все сидящие в помещении мгновенно узнали вошедшего.

– Друзья мои, – заговорил Топри. – Я хочу представить вам Айю Кобата, посла Икса.

– Бывшего посла, – поправил его Кобат. Он говорил гортанным, хорошо поставленным голосом. Гость встал у задней стены, оглядывая сидящих в зале людей в масках.

– Сегодня я получил известие о немилости и приказ нашего Бога-Императора покинуть Арракис.

– За что?

Сиона выкрикнула свой вопрос прямо с места, без всяких формальностей.

Кобат резко обернулся и вперил взор в закрытое маской лицо Сионы.

– Была попытка покушения на жизнь Бога-Императора. Оружие вывело его на мой след. Товарищи Сионы расступились, открывая пространство между ней и Кобатом, молчаливо давая понять, что уступают ей право говорить.

– Но почему он не убил вас? – спросила Сиона.

– Думаю, что высылкой он сказал мне, что я не стою смерти. Мне кажется, что он использует меня для отправки на Икс своего послания.

– Какого послания? – Сиона прошла разделявшее их расстояние и остановилась в двух шагах от Кобата. При этом она почувствовала, что он очень сексуально разглядывает ее фигуру.

– Вы – дочь Монео, – сказал он.

В тишине маленького зала возник ропот. Почему он так легко открыл, что узнал Сиону? Кого еще он узнал? Кобат не похож на дурака. Зачем он это сделал?

– Ваша фигура, голос и манеры хорошо известны всем в Онне, – сказал Кобат. – Весь этот маскарад – просто глупость.

Сиона сорвала с лица маску и улыбнулась послу.

– Я согласна с вами, а теперь ответьте на мой вопрос.

Сиона услышала, как слева к ней подошли Наила и еще два ее помощника.

Кобат понял, что в случае неудачного ответа его ожидает смерть, но голос его не потерял своей властности, хотя посол заговорил медленно, взвешивая каждое свое слово:

– Бог-Император сказал мне, что ему известно о соглашении между Иксом и Гильдией. Мы собираемся создать механический усилитель... тех способностей навигаторов, которые сейчас держатся только и исключительно на Пряности.

– В этой комнате мы называем его Червем, – сказала Сиона. – И что сможет сделать ваша иксианская машина?

– Вам известно, что Гильд-навигаторы нуждаются в Пряности, или меланже, чтобы обрести способность *видеть* маршрут.

– И вы решили заменить навигаторов машинами?

– Это может оказаться возможным.

– И что за послание, касающееся такой машины, везете вы своему народу?

– Я должен сказать нашим людям, что они могут продолжать работу над проектом, но обязаны при этом докладывать Императору о ее ходе.

Сиона с сомнением покачала головой:

– Ему не нужны такие доклады. Это глупое сообщение.

Кобат сглотнул слюну, не скрывая больше своей нервозности.

– Гильдию и Общину Сестер очень взволновал наш проект, – признал он. – Они принимают в нем участие.

Сиона кивнула:

– При этом они платят Иксу за свое участие Пряностью.

Кобат с яростью взглянул на Сиону.

– Это очень дорогостоящие работы, – сказал он. – Нам нужна Пряность для осуществления испытательных и сравнительных полетов.

– Это ложь и надувательство, – заявила Сиона. – Ваш аппарат никогда не будет создан, и Червь прекрасно об этом знает.

– Как вы смеете обвинять нас...

– Тихо! Я только что сказала вам об истинном послании. Червь велит вам, иксианцам, и впредь водить за нос Гильдию и Бене Гессерит. Это его забавляет.

– Прибор может заработать, – настаивал на своем Кобат.

Сиона откровенно рассмеялась ему в лицо.

– Кто пытался убить Червя?

– Дункан Айдахо.

Наила судорожно вздохнула. По комнате прошел ропот удивления.

– Айдахо мертв? – спросила Сиона.

– Думаю, что да... но, увы, Червь отказывается это подтвердить.

– Почему же вы тогда думаете, что он мертв?

– С Тлейлаксу послан сюда новый гхола Айдахо.

– Понятно.

Сиона обернулась и подала сигнал Наиле. Та подошла с пакетом из розовой бумаги, в какую продавцы заворачивают в магазинах праздничные подарки. Наила вручила пакет Сионе.

– Это цена нашего молчания, – произнесла Сиона, протягивая пакет Кобату. – Только из-за этого Топри было разрешено пригласить вас сюда.

Не отрывая взгляда от лица Сионы, Кобат взял протянутый ему пакет.

– При чем здесь молчание? – поинтересовался бывший посол.

– Мы обязуемся не информировать Сестер и Гильдию о том, что вы их обманываете.

– Мы не обма...

– Не стройте из себя дурака!

У Кобата пересохло в горле. До него сразу дошло содержание ее угрозы. Правдивому или нет, но слуху, пущенному повстанцами, поверят. Это обычное проявление «здорового смысла», как любит выражаться Топри.

Сиона взглянула на Топри, стоявшего за спиной Кобата. В организацию не вступали люди, обладающие здравым смыслом. Неужели Топри не понимал, что этот пресловутый здравый смысл может выдать его с головой? Она снова обратила свое внимание на Кобата.

– Что в этом пакете? – спросил он.

Интонация его голоса подсказала Сионе, что бывший посол прекрасно знает ответ.

– Там лежит нечто, что я хочу послать на Икс. Вы отвезете этот пакет в качестве личного одолжения. Там копии двух томов, которые мы похитили в крепости Червя.

Кобат внимательно посмотрел на пакет. Было видно, что он с превеликим удовольствием швырнул бы его на пол, это приключение с мятежниками обернулось смертоносным бременем. Такого поворота он явно не ожидал. Он бросил яростный взгляд на Топри, и этот взгляд ясно говорил: «Почему ты меня не предупредил?»

– Что... – Он снова взглянул на Сиону и откашлялся. – Что содержится в этих томах?

– Об этом нам расскажут ваши люди. Мы думаем, что там собственные произведения Червя, которые мы не в состоянии расшифровать.

– Но почему вы думаете...

– Вы, иксианцы, хорошо разбираетесь в таких вещах.

– А если у нас ничего не выйдет?

Она пожала плечами:

– Мы не станем винить вас за это. Однако если вы используете эти тома в иных целях или не сообщите нам о расшифровке в случае удачи...

– Но как можно быть уверенным...

– Мы же не собираемся полностью положиться только на вас. Копии получают и другие люди. Мне кажется, что Гильдия и Община Сестер не пожалеют сил для расшифровки.

Кобат сунул пакет под мышку и прижал его к телу.

– Что заставляет вас думать, что... Червь не знает о ваших намерениях... или даже об этой сходке?

– Я, напротив, думаю, что он много чего знает. Ему даже, скорее всего, известно, кто именно похитил эти тома. Мой отец уверен, что Червь обладает истинным предзнанием.

– Ваш отец верит в Устное Предание!

– В него верят все здесь присутствующие. Устное Предание не расходится с официальной историей в важных вещах.

– Но почему тогда Червь ничего не предпринимает против вас?

Сиона указала рукой на пакет под мышкой Кобата.

– Вероятно, ответ содержится там.

– Или вы и эта тайнопись не содержат в себе реальной угрозы для него, – сказал Кобат, не пытаясь скрыть гнев. Он не любил, когда его вынуждали принимать самостоятельные решения.

– Возможно. Но скажите, почему вы вдруг упомянули об Устном Предании?

Кобат снова расслышал в вопросе скрытую угрозу.

– В нем говорится, что Червь не способен испытывать человеческих чувств.

– Это не причина, – сказала Сиона. – У вас в запасе есть еще одна попытка, чтобы сказать правду.

Наила сделала еще два шага по направлению к Кобату.

– Я... Мне сказали, что стоит почитать это Предание, потому что ваши люди... – Он недоуменно пожал плечами.

– Что мы используем его как заклинание?

– Да.

– Кто вам это сказал?

Кобат судорожно сглотнул, бросил опасливый взгляд на Топри, потом снова посмотрел на Сиону.

– Топри? – спросила она.

– Я думал, что это поможет ему лучше понять нас, – сказал Топри.

– И ты назвал ему имя нашего лидера?

– Он его и без того знал! – В голосе Топри вновь появились визгливые нотки.

– И какие же части Устного Предания вам посоветовали почитать?

– Э-э-э-э... о линии Атрейдесов.

– И теперь вы думаете, что знаете, почему люди присоединяются к моему заговору?

– В Устном Предании говорится о том, как он относится к каждому из потомков Атрей-десов! – сказал Кобат.

– Он бросает нам короткую веревку, а потом затягивает в свои сети? – спросила Сиона обманчиво бесстрастным тоном.

– Именно так он поступил с вашим отцом, – сказал Кобат.

– А теперь он позволяет мне играть в мятеж?

– Я – простой вестник, – проговорил Кобат. – Если вы меня убьете, то кто доставит ваше послание?

– Или послание Червя, – добавила Сиона.

Кобат промолчал.

– Я не думаю, что вы поняли Устное Предание, – заявила Сиона. – Мне кажется, что вы не слишком хорошо знаете Червя и не понимаете сути его послания.

Лицо Кобата вспыхнуло гневом.

– Что мешает вам стать такой же, как и остальные Атрейдесы, милой, послушной частью... – Кобат осекся, внезапно поняв, куда может завести его злость.

– Еще одним рекрутом для внутреннего кружка Червя, – закончила его мысль сама Сиона. – Как Дункан Айдахо?

Она обернулась и посмотрела на Наилу. Две ее помощницы – Анук и Тау подтянулись, но сама Наила оставалась бесстрастной.

Сиона еще раз кивнула ей.

Выполняя свою задачу, Анук и Тау блокировали выход. Наила подошла к Топри и положила руку ему на плечо.

– Что такое... Что происходит? – залепетал Топри.

– Мы хотим знать точно всю подноготную, которой бывший посол может с нами поделиться, – сказала Сиона. – Мы хотим знать полное содержание послания.

Топри задрожал. На лбу Кобата выступил холодный пот. Он оглянулся на Топри, потом перевел взгляд на Сиону. Этого было достаточно, чтобы Сиона поняла, что за отношения связывают этих двоих.

Она торжествующе улыбнулась. Это было лишь еще одним подтверждением того, что она уже знала.

Кобат притих.

– Вы можете начинать, – проговорила Сиона.

- Я... Что вы хотите...
- Червь дал вам частное послание для ваших мастеров. Я хочу его услышать.
- Он... хочет увеличить размеры тележки.
- Значит, вырастет еще больше. Что еще?
- Мы должны будем прислать ему кристаллическую ридулианскую бумагу.
- Для какой цели?
- Он никогда не объясняет, зачем ему нужно то или другое.
- Это пахнет вещами, которыми он запрещает пользоваться другим.
- Себе он никогда ничего не запрещает, – с горечью сказал Кобат.
- Вы посылаете ему какие-нибудь запрещенные игрушки?
- Я не знаю.

Он лжет, подумала Сиона, но решила не заострять внимания на этом вопросе. Достаточно было одного знания о том, что в доспехах Червя есть еще одна трещина.

- Кто заменит вас? – спросила Сиона.
- Они пришлют племянницу Малки, – ответил Кобат. – Вы, должно быть, помните, что он...
- Мы помним Малки, – сказала Сиона. – Почему новым послом станет его племянница?
- Не знаю. Но так было приказано даже до того, как Бо... Червь выслал меня.
- Ее имя?
- Хви Нори.
- Мы попробуем обработать Хви Нори. Вы не стоили такой обработки. Но эта Нори может оказаться не такой, как вы. Когда вы возвращаетесь на Икс?
- Сразу же после праздника, первым же кораблем Гильдии.
- Что вы скажете вашим хозяевам?
- О чем?
- О моем послании!
- Они поступят так, как вы просили.
- Понятно. Вы можете идти, экс-посол Кобат.

Он так спешил покинуть комнату, что едва не столкнулся с охранниками. Топри собрался было последовать за ним, но Наила крепко схватила его за руку. Он бросил испуганный взгляд на ее мускулистую фигуру, потом взглянул на Сиону, которая, закрыв дверь за Кобатом, начала говорить.

– Его послание адресовано не только иксианцам, но и нам, – сказала она. – Червь вызывает нас на бой и говорит о правилах сражения.

Топри попытался высвободиться из хватки Наилы.

- Что вы...
- Топри! – прикрикнула на него Сиона. – Я тоже могу послать сообщение. Передай моему отцу, чтобы он сказал Червью, что мы принимаем вызов.

Наила отпустила руку Топри. Он потер онемевшее запястье.

- Вы что, серьезно...
- Уходи, пока мы позволяем тебе это сделать, и никогда не возвращайся.
- Неужели ты хочешь сказать, что подозре...
- Я велела тебе убираться! Ты слишком неуклюж, Топри. Я долго училась в школе Говорящих Рыб. Там меня научили распознавать неуклюжие действия.
- Кобат уезжает. Какой вред может возникнуть от...
- Он не только знает меня, он знал, что именно я украла из Цитадели! Но он не знал, что я собираюсь послать на Икс эти тома. Твои поступки сказали мне, что Червь хочет, чтобы я так поступила.

Топри попятился от Сионы к двери. Анук и Тау широко распахнули перед ним дверь и освободили проход, куда он и бросился, преследуемый голосом Сионы:

– Не спорь, что это Червь говорил с Кобатом обо мне и моем пакете, который я должна передать ему! Червь не шлет неуклюжих посланий. Передай ему, что я это сказала!

Некоторые говорят, что я лишен совести. Как же они заблуждаются даже по отношению к самим себе. Я – единственная совесть, которая когда-либо существовала. Так же как вино сохраняет аромат бочки, в которой его хранили, так же и я сохранил сущность моего древнего бытия, а это и есть семя совести. Именно это обстоятельство делает меня святым. Я Бог, потому что я единственный, кто по-настоящему знает свое происхождение.
(Похищенные записки)

Инквизиторы Икса собрались на заседание в Большом Дворце для обсуждения кандидатуры Посла Икса при дворе Господа Лето. Ниже следует протокол этого заседания.

ИНКВИЗИТОР: Вы показали, что хотите сообщить нам о мотивах Господа Лето. Говорите.

ХВИ НОРИ: Ваш формальный анализ не дает ответов на те вопросы, которые я хотела бы задать.

ИНКВИЗИТОР: Какие это вопросы?

ХВИ НОРИ: Я спросила себя, какие мотивы могли подвигнуть Лето на столь отвратительную трансформацию своего тела и потерю человеческого облика. Вы предположили, что это было сделано с целью захвата власти и достижения необычайного долголетия.

ИНКВИЗИТОР: Разве этого недостаточно?

ХВИ НОРИ: Спросите себя, согласились бы вы уплатить столь громадную цену за столь ничтожную цель?

ИНКВИЗИТОР: Поясните же нам с высот вашей небесной мудрости, по какой причине Лето предпочел стать Червем.

ХВИ НОРИ: Сомневается ли кто-нибудь из присутствующих в том, что Лето обладает способностью прозревать будущее?

ИНКВИЗИТОР: Вот оно что! Но разве это не достаточная плата за подобную трансформацию?

ХВИ НОРИ: Но он и до трансформации, как и его отец, обладал такой способностью. Нет! Я полагаю, что он решился на столь отчаянный шаг только потому, что видел в нашем будущем нечто столь ужасное, что предотвратить его наступление можно было, только пойдя на такую жертву.

ИНКВИЗИТОР: И что же это за ужас, который только он один мог предвидеть?

ХВИ НОРИ: Этого я не знаю, но предлагаю открыть эту причину.

ИНКВИЗИТОР: Вы хотите сделать тирана бескорыстным слугой народов!

ХВИ НОРИ: Разве не это отличительная черта Атрейдесов, семьи, из которой он происходит?

ИНКВИЗИТОР: Во всяком случае, этому учит нас официальная история.

ХВИ НОРИ: Об этом же говорит и Устное Предание.

ИНКВИЗИТОР: Какие еще добродетельные качества вы хотите приписать тирану Червью?

ХВИ НОРИ: Добродетельные, господин?

ИНКВИЗИТОР: Да, опишите, если можете, его характер.

ХВИ НОРИ: Мой дядя Малки часто говорил, что Господь Лето способен проявлять большую терпимость по отношению к избранным им соратникам.

ИНКВИЗИТОР: Других соратников он казнит без всякой видимой причины.

ХВИ НОРИ: Мне кажется, что такие причины существуют, и мой дядя Малки отыскал некоторые из них.

ИНКВИЗИТОР: Приведите нам ход его рассуждений.

ХВИ НОРИ: Его личности угрожает неуклюжее ничтожество.

ИНКВИЗИТОР: Неуклюжее? За кого вы нас принимаете?

ХВИ НОРИ: Он не переносит притворства и лжи. Вспомните казненных историков и уничтожение их трудов.

ИНКВИЗИТОР: Он просто не желает знать истину.

ХВИ НОРИ: Лето сказал моему дяде Малки, что эти историки исказили прошлое. И заметьте себе, кто мог знать прошлое лучше, чем Лето? Всем нам известен предмет его интроверсии.

ИНКВИЗИТОР: Но какие доказательства мы имеем для подтверждения того, что в его памяти живут все его предки?

ХВИ НОРИ: Я не собираюсь вступать в бесплодный спор по этому поводу. Могу только сказать, что я верю в это потому, что в это верил мой дядя Малки и мне кажутся основательными те причины, по которым он верил.

ИНКВИЗИТОР: Мы читали доклады вашего дяди и поняли их по-иному. Малки был буквально влюблен в Червя.

ХВИ НОРИ: Мой дядя считал Лето самым искусным дипломатом Империи, мастером диалога и экспертом во всех областях человеческой деятельности.

ИНКВИЗИТОР: Не говорил ли ваш дядя о жестокости Червя?

ХВИ НОРИ: Мой дядя считал его весьма цивилизованным.

ИНКВИЗИТОР: Я спрашиваю о жестокости.

ХВИ НОРИ: Он способен на жестокость, это правда.

ИНКВИЗИТОР: Ваш дядя боялся его.

ХВИ НОРИ: Господь Лето начисто лишен невинности и наивности. Его следует бояться, если он начинает притворяться, что ему присущи эти черты. Именно об этом говорил мой дядя.

ИНКВИЗИТОР: Да, он писал такие слова.

ХВИ НОРИ: Более того! Малки говорил: «Господь Лето приходит в восторг от гениев и многообразия человечества. Он мой самый любимый собеседник».

ИНКВИЗИТОР: Поделитесь с нами вашей непревзойденной мудростью и попытайтесь растолковать нам смысл этих слов.

ХВИ НОРИ: Не смейтесь надо мной!

ИНКВИЗИТОР: Мы не смеемся. Мы хотим понять.

ХВИ НОРИ: Эти слова Малки и многое другое, о чем он мне писал, говорят о том, что Господь Лето всегда искал новое и оригинальное, но был очень обеспокоен возможным разрушительным потенциалом прогресса. Так думал мой дядя.

ИНКВИЗИТОР: Не хотите ли вы что-нибудь добавить к сказанному от своего имени?

ХВИ НОРИ: Я не вижу причин добавлять что-либо к уже сказанному и прошу прощения за отнятое у вас время.

ИНКВИЗИТОР: Вы недаром отняли у нас время. Мы утверждаем вас послом при дворе Господа Лето, Бога-Императора всей известной Вселенной.

Вы должны помнить, что я могу по первому требованию испытать любой из известных истории опытов. Это тот источник энергии, из которого я черпаю всякий раз, когда сталкиваюсь с милитаристским мышлением. Если вы не слышали жалобных криков раненых и умирающих, то вы ничего не знаете о войне. Я слышал эти

крики в таком количестве, что они порой просто преследуют меня. Я и сам не раз плакал после битвы. Я испытывал боль от ран в самые разные эпохи – от удара кулаком, дубиной или камнем, шестопером или бронзовым мечом, булавой или пушечным ядром. Мне причиняли раны стрелы и пули, я медленно умирал от молчаливой радиоактивной пыли, от биологического оружия, от которого чернеет язык и сгорают легкие, от языков пламени огнеметов и от боевых отравляющих веществ... я не хочу перечислять дальше! Я все это видел и прочувствовал. Тем, кто осмелится спросить меня, отчего я так себя веду, я могу ответить: имея такую память, я не могу вести себя иначе. Нет, я не трус, но и я когда-то был человеком.

(Похищенные записки)

Во время теплого сезона, когда спутникам, контролирующим погоду, приходится выдерживать натиск ветров, дующих над великими морями, на окраинах Сарьиры временами выпадают дожди. В один из таких дней Монео инспектировал периметр Цитадели и, возвращаясь домой, был застигнут ливнем. Ночь наступила прежде, чем он успел добраться до укрытия. Женщина из охраны Говорящей Рыбы помогла ему снять сырой плащ. Женщина отличалась мощным телосложением и квадратным лицом, тот тип, который Лето предпочитал набирать в охрану.

– Эти проклятые погодные спутники давно пора переделать, – сочувственно сказала она, отдавая Монео плащ.

Монео коротко кивнул женщине и направился наверх, в свои апартаменты. Все охранники Говорящей Рыбы знали об отвращении, которое Лето испытывает по отношению к влаге, думая, что то же самое испытывает и Монео.

Это Червь ненавидит воду, думал Монео. Шам-Хулуд тоскует по Дюне.

Войдя в свою квартиру, Монео тщательно вытерся и переоделся в сухую одежду, прежде чем спуститься в крипту. Незачем навлекать на себя напрасный гнев Червя. Сейчас необходим обстоятельный разговор с Лето о его путешествии в Город Праздников Онн.

Прислонившись спиной к стене лифта, Монео прикрыл глаза. Им немедленно овладела сильная усталость. Последние дни он постоянно не высыпался, и никакого просвета впереди не предвиделось. Как он завидовал Лето, который вовсе не нуждался во сне. Для Бога-Императора было достаточно подремать полчаса в месяц.

Запах крипты и остановка лифта пробудили Монео от дремоты. Он открыл глаза и увидел Императора в его тележке посередине огромного зала. Монео собрался с силами и вышел из лифта, направившись к своему ужасному владыке. Лето, очевидно, ждал его. Это был хороший знак.

Лето прекрасно видел, как остановился лифт, как открылись двери, как пробудился Монео. Человек выглядел усталым, и это было вполне объяснимо. На носу паломничество в Онн со всеми вытекающими отсюда хлопотами: инопланетные визитеры, ритуал с Говорящей Рыбой, смена Императорской гвардии, отставки и назначения, а тут еще новый Дункан Айдахо, которого надо гладко и безболезненно внедрить в аппарат. Монео, как всегда, вникал во все мелочи, но возраст неумолимо давал о себе знать.

Так, так, подумал Лето. Через неделю после нашего возвращения из Онна Монео исполнится сто восемнадцать лет.

Если человек принимает достаточно Пряности, то он может прожить в несколько раз дольше этого срока, но Монео отказывался принимать Пряность, и Лето не сомневался, что знает истинную причину. Монео достиг такого положения в обществе, когда любой на его месте начинает желать скорой смерти. Единственное, чего он еще хотел, – это пристроить Сиону на имперскую службу в качестве директора имперского общества Говорящих Рыб.

Мои частики, как говорил Малки.

Монео знал, что намерением Лето было соединить в браке Сиону и Дункана Айдахо. Видимо, время для этого настало.

Монео остановился в двух шагах от тележки и поднял глаза на Лето. Что-то в его облике напомнило Лето языческого жреца из древних земных времен, молящегося на своем семейном капище.

– Господин, вы провели много часов, наблюдая за новым Дунканом, – сказал Монео. – Не испортили ли тлейлаксианцы его клетки или психику?

– Он остался незапятнанным.

Монео глубоко вздохнул, но в этом вздохе не было облегчения.

– Ты, кажется, возражаешь против его использования в качестве племенного жеребца?

– Мне странно думать о нем как о предке и супруге моей дочери одновременно.

– Но это позволит мне получить скрещивание в первом поколении между старой формой человека и продуктом многовековой селекции. Сиона – представитель двадцать первого поколения в этом ряду скрещиваний.

– Я не вижу смысла в таких скрещиваниях. У Дункана замедлена реакция по сравнению с вашими гвардейцами.

– Меня не интересуют отдельно взятые потомки, Монео. Неужели ты думаешь, что я не знаю о геометрической прогрессии, которая диктует правила моей селекционной программы?

– Я видел ваш селекционный журнал, господин.

– В таком случае ты должен знать, что я отслеживаю появление рецессивных аллелей и исключаю их. Меня интересуют ключевые доминантные признаки.

– А мутации, господин? – в интонациях голоса Монео появились злые нотки, что заставило Лето внимательно взглянуть на него.

– Мы не будем обсуждать этот вопрос, Монео.

Лето увидел, как его помощник спрятался в раковину своей обычной осторожности.

Он необыкновенно чутко улавливает мое настроение, подумал Лето. *Мне кажется, что он частично обладает теми же способностями, что и я, но они действуют у него на уровне подсознания. Его вопрос позволяет предположить, что он подозревает, чего мы достигли в Сионе.*

Чтобы удостовериться в своей догадке, Лето заметил:

– Мне ясно, что ты не до конца понимаешь, чего я хочу достичь своей селекционной программой.

Лицо Монео прояснилось.

– Мой господин знает, что я изо всех сил пытаюсь вникнуть в правила этой селекции.

– Законы, если брать их в долгосрочной перспективе, суть временны и преходящи, Монео. Нет такого понятия, как правила развития творчества.

– Но, господин мой, вы сами только что сказали о законах, которые управляют вашей селекционной программой.

– Что я только что сказал тебе, Монео? Пытаться отыскать законы творчества – это все равно что отделить разум от тела.

– Но ведь в результате получается что-то конкретное, господин. Я знаю это по себе!

Он знает это по себе! Дорогой Монео, как ты близок к разгадке.

– Почему ты всегда хочешь услышать исчерпывающее толкование, Монео?

– Я слышал, как вы говорили о трансформационной эволюции, господин. Так озаглавлен и ваш селекционный журнал. Но что за сюрприз...

– Монео, правила меняются с каждым сюрпризом.

– Мой господин, вашей целью является улучшение человеческой породы?

Лето посмотрел на мажордома горящим взглядом, думая: *Если я сейчас произнесу ключевое слово, то поймет ли он меня? Вероятно...*

– Я хищник, Монео.

– Хищ... – Монео поперхнулся, произнося это слово, и покачал головой. Он понимал значение этого слова или думал, что понимает, и все же оно потрясло его. Может быть, Бог-Император шутит?

– Хищник, мой господин?

– Хищники улучшают породу.

– Как это может быть, господин? Ведь вы не ненавидите нас.

– Ты меня разочаровал, Монео. Хищник не может ненавидеть свою жертву.

– Хищники убивают, мой господин.

– Я убиваю, но без ненависти. Жертва утоляет голод. Добыча – это благо.

Монео с недоумением уставился в розовое лицо Лето в сером обрамлении.

Не пропустил ли я приближение Червя? – подумал Монео.

Он со страхом посмотрел на повелителя. Но нет, гигантское тело не вибрировало, глаза не горели хищным пламенем, и рудименты конечностей не подрагивали.

– По отношению к чему вы испытываете голод, мой господин? – очертя голову спросил Монео.

– Я испытываю голод по отношению к способности человечества принимать долговременные верные решения. Знаешь ли ты ключ к такой способности, Монео?

– Вы много раз говорили мне об этом, мой господин. Ключ – это способность изменять свой разум.

– Да, именно изменять. Но что я имею в виду под долгосрочностью?

– Для вас эти отрезки времени измеряются тысячелетиями, господин.

– Даже мои тысячелетия – мгновения по сравнению с вечностью.

– Но ваша перспектива наверняка отличается от моей, господин.

– С точки зрения вечности любой, даже самый длительный, но ограниченный срок краток.

– Но тогда выходит, что никаких правил вообще не существует. – В голосе Монео появились истерические нотки.

Лето улыбнулся, чтобы успокоить своего слугу.

– Вероятно, существует только одно правило. Краткосрочные решения всегда оказываются неверными в долгосрочной перспективе.

В полной растерянности Монео смог лишь покачать головой:

– Но, господин, ваши перспективы...

– Время необратимо утекает для любого конечного наблюдателя. Не существует закрытых систем. Даже я сумел лишь растянуть свою временную матрицу.

Монео отвел взгляд от лица Лето и посмотрел на коридоры мавзолея. *Я тоже лягу здесь в один прекрасный день. Золотой Путь сможет быть продолжен, но мой путь закончится.* Конечно, это не имело никакого значения. Только Золотой Путь, который был неразрывным единством, имел какое-то значение. Он снова посмотрел на Лето, избегая взгляда его ярко-голубых глаз. Неужели в этом гигантском теле сидит заурядный хищник?

– Ты не понимаешь функции хищника, Монео, – сказал Лето.

Эти слова потрясли Монео – от них веяло способностью читать чужие мысли. Он взглянул в глаза повелителю.

– Умом ты понимаешь, что даже мне придется когда-то испытать ужас смерти, но чувством ты в это не веришь, – произнес Лето.

– Как я могу верить в то, чего никогда не увижу?

Никогда еще Монео не чувствовал себя таким одиноким и испуганным. Что делает Бог-Император? *Я спустился сюда, чтобы обсудить детали паломничества... и выяснить его намерения относительно Сионы. Он просто играет мной?*

– Давай поговорим о Сионе, – сказал Лето.

Он опять читает мысли!

– Когда вы собираетесь испытать ее, господин? – Монео прекрасно знал ответ на этот вопрос и ждал ответа уже давно, но в этот момент он испытал неподдельный страх.

– Скоро.

– Простите меня, мой господин, но вы, без сомнения, понимаете, как я волнуюсь за судьбу моего единственного дитя.

– Но другие же пережили это испытание. Например, ты.

Монео нервно сглотнул слюну, вспомнив, как его испытывали на чувствительность к Золотому Пути.

– Меня готовила к испытанию мать, но у Сионы нет матери.

– У нее есть Говорящие Рыбы. У нее есть ты.

– Бывают и несчастные случаи, мой господин.

Из глаз Монео брызнули слезы.

Лето отвернулся, подумав: *Он разрывается между чувством верности мне и любовью к Сионе. Как же мучительна эта тревога о потомстве. Неужели он не понимает, что мое дитя – это все человечество?*

Он вновь обратился к Монео:

– Ты прав, говоря о несчастных случаях, они случаются даже в моей вселенной. Разве это ничему тебя не научило?

– Мой господин, но на этот раз не может...

– Монео, не хочешь же ты, чтобы я доверял власть слабым администраторам?

Монео отступил на шаг.

– Нет, мой господин. Конечно, нет.

– Тогда верь в силу Сионы.

Мажордом расправил плечи.

– Я выполняю свой долг.

– Сиона должна пробудиться ото сна и вспомнить, что она потомок Атрейдесов.

– Да, конечно, мой господин.

– Разве не этому мы посвятили нашу жизнь, Монео?

– Я и не отрицаю этого, мой господин. Когда она будет представлена новому Дункану?

– Сначала она пройдет испытание.

Монео устал глаза в холодный пол крипты.

Как часто стал он смотреть в пол, подумал Лето. Что он может там увидеть? Тысячелетние следы моей тележки? Ах нет – он смотрит в глубину той сокровищницы тайны, куда ему скоро предстоит отправиться.

Монео снова посмотрел в глаза Лето.

– Надеюсь, ей понравится общество Дункана, мой господин.

– Будь уверен в этом. Тлейлаксиянцы не изменили его внешность ни на йоту.

– Это вселяет в меня уверенность, мой господин.

– Нет сомнения, что ты заметил, что его генотип очень привлекателен для женщин.

– Да, именно об этом говорят мои наблюдения, мой господин.

– Да, есть что-то в этих пронизательных глазах, этих резких чертах, этих густых, как грива, волосах – от всего этого тает женская душа.

– Вы говорите истину, мой господин.

– Ты знаешь, что сейчас он с Говорящими Рыбами?

– Мне сообщили об этом, мой господин.

Лето улыбнулся. Ну конечно же, Монео обо всем сообщили.

– Скоро его приведут ко мне, чтобы он мог лицезреть своего Бога-Императора.

– Я уже видел смотровую комнату, господин. Там все готово.

– Иногда мне кажется, что ты все делаешь для того, чтобы ослабить меня, Монео. Оставь мне хотя бы эти мелочи.

Мажордом изо всех сил попытался сбросить с себя гнетущий страх. Он поклонился и попятился.

– Вы правы, мой господин, но есть вещи, которые входят в мои обязанности.

Повернувшись, он поспешил прочь. Только оказавшись в поднимающемся лифте, Монео вспомнил, что Лето не отпускал его.

Он должен знать, как я устал, и простит меня.

Господу ведомо, что у тебя на сердце. Днесь твоя душа свидетельствует против тебя, а иные свидетели мне не нужны. Ты не повинешься душе своей, но лишь своему гневу и ярости.

(Господь Лето кающемуся грешнику. Устное Предание)

Следующие положения о государственном устройстве Империи в год 3508-й правления Господа Лето взяты из Велбекских Извлечений. Оригинал текста находится в Архивном Хранилище Капитула Ордена Бене Гессерит. Сравнение показывает, что в изложении полностью сохранена суть исходного документа.

Именем нашего Священного Ордена и нерушимой Общины Сестер это сообщение признано заслуживающим доверия и может быть направлено на хранение в Архив Капитула на правах хроники.

Сестры Ченоу и Таусуоко благополучно вернулись с Арракиса, где им удалось найти доказательства факта казни девяти историков (о чем давно существовали подозрения), которые исчезли в Цитадели в год 2116-й правления Господа Лето. Сестры сообщают, что все девять человек были приведены в бессознательное состояние и сожжены на костре, сложенном из их исторических трудов. Это полностью соответствует тем слухам, которые циркулировали в Империи в то время. Происхождение этих слухов приписывают самому Господу Лето.

Сестры Ченоу и Таусуоко привезли рукописные свидетельства, в которых утверждается, что когда некоторые историки обратились к Лето, обеспокоенные судьбой своих коллег, он ответил им:

«Они были уничтожены за злонамеренную ложь. Не бойтесь, что мой гнев падет на ваши головы за ваши невольные заблуждения и ошибки. Я не люблю создавать мучеников. Мученики размыают эффекты воздействия драматических событий на ход истории, а именно исторические драмы суть цель моего хищничества. Трепещите только в том случае, если вы намеренно искажаете факты и держитесь за свой обман, раздувая щеки от гордости за него. Теперь можете удалиться – мы не будем больше говорить об этом».

Анализ рукописного текста позволяет утверждать, что он был написан Иконикром, мажордомом Господа Лето в год 2116-й.

Особое внимание привлекает тот смысл, который Господь Лето вкладывает в слово «хищнический». В свете теории, выдвинутой Преподобной Матерью Сиаксой, можно с высокой степенью вероятности утверждать, что Господь Лето рассматривал себя хищником в естественном, природном смысле этого слова.

Сестре Ченоу было позволено присоединиться к Говорящим Рыбам, которые сопровождают Господа Лето в его немногочисленных путешествиях. Однажды ей было позволено проехать недолго рядом с Королевской тележкой и поговорить с Господом Лето. Вот что сестра сообщает об этом диалоге.

Господь Лето сказал: «Здесь, на Королевской Дороге я часто чувствую себя как на поле битвы, где мне приходится защищаться от врагов».

Сестра Ченоу сказала: «Никто не нападет на вас здесь, господин».

Господь Лето сказал: «Вы, сестра Бене Гессерит, постоянно нападаете на меня и даже здесь пытаетесь склонить на свою сторону моих Говорящих Рыб».

Сестра Ченоу укрепила свой дух, приготовившись к смерти, но Бог-Император просто остановил тележку и оглянулся на свою свиту. Ченоу говорит, что все послушно остановились на почтительном расстоянии и застыли в ожидании.

Господь Лето сказал: «Их не так много, но они мне все рассказывают, поэтому не отрицайте моих обвинений».

Сестра Ченоу сказала: «Я не отрицаю их».

Тогда Господь Лето посмотрел на нее и сказал: «Тебе нечего бояться за свою жизнь. Я хочу, чтобы ты донесла мои слова до вашего Капитула».

Сестре Ченоу стало ясно, что Господь Лето знает все о ней и о ее миссии, о ее специальной подготовке, усилившей ее память. Лето знал о ней действительно все.

«Он был как Преподобная Мать, – сказала сестра Ченоу. – От него ничего нельзя было утаить».

Потом Император Лето приказал сестре Ченоу: «Посмотри на мой Город Празднеств и расскажи, что ты видишь».

Сестра Ченоу посмотрела в сторону Онна и сказала: «Я вижу вдаль город. Он прекрасен в свете сегодняшнего утра. Справа находится ваш лес. Там столь обильная растительность, что я могла бы потратить много часов, описывая ее. Слева и вокруг множество строений, в которых живут ваши слуги, там же я вижу сады. Некоторые выглядят очень богатыми, а другие столь же бедными».

Господь Лето сказал: «Мы сделали свой ландшафт суетным! Деревья – это суета. Дома, сады... Можно ли восторгаться таинствами в таком ландшафте?»

Сестра Ченоу, осмелевшая после слов Лето, спросила: «Господин все еще жаждет чудес и таинств?»

Господь Лето ответил на это: «В таком ландшафте отсутствует внешняя открытая духовная свобода. Разве ты не видишь этого? Вселенная не открывается здесь человеку – вокруг лишь замкнутые пространства – двери, замки и запоры».

Сестра Ченоу спросила: «Значит, человечество, на ваш взгляд, больше не нуждается в частной жизни и защите?»

Господь Лето сказал: «Вернувшись домой, передай Сестрам, что я восстановлю открытость вселенной в ее духовной свободе. Такой ландшафт, какой ты видишь здесь, направляет внимание человека внутрь и заставляет искать духовной свободы в себе. Но большинство людей не обладает достаточной силой, чтобы найти силу в себе самом».

Сестра Ченоу сказала: «Я в точности передам ваши слова Общине Сестер».

Господь Лето сказал: «Обязательно сделай это. Передай своим Сестрам также, что Бене Гессерит должны лучше других людей видеть опасность генетических скрещиваний, когда хотят получить вполне определенный результат».

Сестра Ченоу считает, что это было вполне осознанное напоминание об отце Лето, Пауле Атрейдесе. Надо при этом отметить, что мы получили Квисатц Хадераха одним поколением раньше. Став Муад'Дибом, вождем фрименов, Пауль ускользнул из-под нашего контроля. Нет сомнения в том, что Пауль был мужчиной со способностями Преподобной Матери, обладал он и другими силами, за что человечество до сих пор платит дорогую цену. Как сказал Господь Лето: «Вы получили то, чего никак не ожидали. Вы получили меня, и мне удалось создать Сиону».

Господь Лето не стал подробно распространяться о дочери своего мажордома Монео. Мы расследуем это дело сами.

В том, что касается других дел, то там наши следователи могут сообщить Капитулу следующую информацию:

Говорящие Рыбы

Женский легион Господа Лето выбирает своих представительниц на празднества в Арракисе, которые бывают один раз в десять лет. От каждого планетного гарнизона на праздник направляются три женщины. (Список этих избранниц см. в приложении.) Обычно на праздник не приглашаются взрослые мужчины и даже супруги Говорящих Рыб. Список супругов изменился за период нашего пребывания очень мало. Мы включили в список эти новые имена, сопроводив их, где это было возможно, краткой генеалогической справкой. Только два таких супруга являются прямыми потомками Дункана Айдахо. Мы ничего не можем добавить к нашим наблюдениям относительно использования Господом Лето гхола в его селекционной программе.

Ни одна из наших попыток образовать союз между Говорящими Рыбами и Бене Гессерит не увенчалась успехом. Господь Лето продолжает увеличивать численность некоторых гарнизонов. Кроме того, Говорящие Рыбы наделяются функциями, отличными от военных. Это вполне ожидаемый результат возрастающего на местах восхищения и уважения по отношению к этим гарнизонам. (В приложении указаны гарнизоны, увеличенные в последнее время. Примечание редактора: самые подходящие для наших целей гарнизоны расположены на родных планетах Бене Гессерит, Иксе и Тлейлаксу. По нашим наблюдениям, гарнизоны Космической Гильдии увеличены не были.)

Священники

За исключением нескольких естественных смертей и новых назначений (см. приложение) никаких существенных изменений в корпусе священников не произошло. Те чиновники, которые направлены на должности, имеют жесткие инструкции и обязаны консультироваться с Арракисом по каждому мало-мальски важному случаю. По мнению Преподобной Матери Саксии и некоторых других, религиозный характер Говорящих Рыб постепенно сходит на нет.

Селекционная программа

Кроме ничем не подкрепленных сведений о Сионе и неудаче с ее отцом, мы не можем сообщить ни о чем существенно новом по сравнению с нашими данными о селекционной программе Господа Лето. В его планах имеется некоторое стремление к рандомизации, о чем можно судить по его замечанию о генетических целях, но мы не уверены, что Господь Лето был искренен и откровенен с Сестрой Ченоу. Мы хотим обратить ваше внимание на многие случаи, когда Лето лгал либо кардинально менял смысл своих высказываний, никак нас об этом не предупреждая.

Господь Лето продолжает политику нашего недопущения в его селекционную программу. Его наблюдатели в нашем гарнизоне Говорящих Рыб твердо элиминируют из своих планов наши рождения, против которых они категорически возражают. Только ценой больших усилий нам удастся сохранить генетический потенциал для создания Преподобных Матерей. Мы не

получили ответа на наши протесты. В ответ на прямой вопрос Сестры Ченоу Господь Лето сказал: «Будьте благодарны за то, что имеете».

Это предупреждение оценено нами должным образом. Мы передали Господу Лето самое искреннее благодарственное письмо.

Экономика

Капитул продолжает поддерживать свою платежеспособность, но меры консервации не могут стать мягче. Более того, на ближайшее время следует предусмотреть более жесткие дополнительные меры консервации. Эти меры должны предусмотреть уменьшение ритуального расхода меланжи и увеличить его вложения в необходимые службы. Мы надеемся увеличить поступления вдвое за счет обучения женщин – представительниц Великих Домов – в течение следующих четырех отчетных периодов. Тем самым мы предлагаем вам приготовить аргументы в пользу увеличения квот меланжи, отпускаемой на эти цели.

Господь Лето отказал в нашей просьбе об увеличении его выплат в виде меланжи. Объяснений этого решения мы не получили.

Наши отношения с Объединенным Советом Передовой и Честной Торговли остаются успешными и плодотворными. ОСПЧТ за прошедший отчетный период основал картель межзвездного ювелирного проекта, картель, участвуя в котором мы получили немалую прибыль благодаря консультативным и посредническим услугам. Поступления от этих сделок позволят покрыть убытки, связанные с потерями на Гьеди Один. Эти расходы официально списаны в убыток.

Великие Дома

За отчетный период тридцать один Великий Дом пережил экономическую катастрофу. Только шесть из них смогли оправиться настолько, что достигли статуса Малых Домов (см. приложение). Такие события есть проявление тенденции, которая прослеживается на протяжении последнего тысячелетия, когда многие Великие Дома постепенно скатываются на второстепенные роли. Надо особо отметить, что из шести Великих Домов, которым удалось избежать полной катастрофы, пять имели свою долю в межзвездном ювелирном проекте ОСПЧТ. Полученная прибыль позволила вложить деньги в редкие китовые меха с Каладана.

(Запасы нашего риса почти удвоились в результате успешных операций холдинга китового меха. Основания для таких операций будут приведены в обзоре следующего отчетного периода.)

Семейная жизнь

Согласно наблюдениям наших исследователей, на протяжении последних двух тысяч лет происходит неуклонное нивелирование семейного уклада. Исключения, как и ожидалось, касаются Гильдии, Говорящих Рыб, придворных, тлейлаксианцев (которые, несмотря на все усилия, остаются гибридами) и, конечно, нашей Общины Сестер.

Стоит в этой связи отметить, что семейный уклад на разных планетах становится все более и более единообразным, а это не может быть случайностью. По-видимому, это часть грандиозного замысла Господа Лето. Даже беднейшие семьи очень хорошо питаются, это так, но условия жизни становятся все более и более статичными.

Хотим напомнить высказывание Лето, сделанное им восемь поколений назад: «Я – единственное зрелище, на которое еще стоит смотреть в Империи».

Преподобная Мать Саксия предложила теоретическое обоснование наблюдаемой тенденции, которое разделяют теперь многие из нас. Преподобная Мать Саксия приписывает Лето мотив, основанный на концепции гидравлического деспотизма. Как вы знаете, гидравлический деспотизм возможен только тогда, когда условия, от которых в абсолютной степени зависит жизнь, могут управляться относительно небольшой централизованной силой. Концепция гидравлического деспотизма возникла в ту эпоху, когда количество орошающей воды увеличивало численность человеческой популяции до такого уровня, что жизнь людей становилась в абсолютную зависимость от этого количества. Как только поступление воды прекращалось, наступала массовая гибель людей.

Этот феномен наблюдался неоднократно на протяжении человеческой истории и касался не только воды и продуктов земледелия, но и углеводородного топлива, поступление которого можно было легко контролировать с помощью трубопроводов и других распределительных сетей. В то время, когда электричество доставлялось потребителям по проводам, оно тоже было инструментом гидравлического деспотизма.

Преподобная Мать Саксия считает, что Господь Лето строит еще более жестокую систему гидравлического деспотизма, основанную на распределении меланжи. В этой связи стоит заметить, что меланжа является одним-единственным средством замедления наступления старости, хотя и не является при этом радикальным средством излечения от старения. Преподобная Мать Саксия предполагает даже, что Лето собирается преднамеренно поразить человечество некой болезнью, от которой существует только одно средство – меланжа. Хотя такое предположение несколько экстравагантно, его нельзя полностью сбрасывать со счетов. Случались и более странные вещи, и мы не должны забывать о роли сифилиса в ранней истории человечества.

Транспорт/Гильдия

Три вида транспорта, некогда присущих почти исключительно Арракису (передвижение пешком с грузом на лямках, по воздуху с помощью орнитоптера и кораблями Гильдии с планеты на планету), становятся доминирующими и в остальных частях нашей обитаемой вселенной. Единственным исключением является Икс.

Мы приписываем это явление общей тенденции к планетарному застою и формированию статического образа жизни. Частично такое положение вещей обусловлено стремлением во всем копировать древний Арракис. В этой тенденции не последнюю роль играет всеобщее отвращение к производимым на Иксе вещам. Нельзя отрицать и того, что подобное положение вполне устраивает Говорящих Рыб, которые поддерживают такую транспортную систему, поскольку она облегчает их службу.

Что касается Гильдии, то здесь такое положение обусловлено полной зависимостью навигаторов от меланжи. Мы в свете изложенного пристально наблюдаем за попытками Космической Гильдии в сотрудничестве с Иксом создать механическое приспособление для улучшения способности навигаторов выбирать маршрут и держаться его во время перелета. Без меланжи или ее замены каждое путешествие в космосе с трансветовой скоростью грозит обернуться катастрофой. Хотя мы не очень высоко оцениваем перспективу совместного проекта Гильдии и Икса, тем не менее мы будем внимательно следить за развитием событий, ибо все в мире возможно.

Бог-Император

Если оставить в стороне некоторое увеличение размеров тела, то можно сказать, что физические характеристики Господа Лето практически не изменились за отчетный период. Упорно циркулировавшие слухи об отвращении Лето к воде не подтвердились, хотя мы доподлинно знаем, что черви не выносили воду и был даже ритуал водного убийства, когда древние фримены убивали водой молодых червей, чтобы добыть Пряность для своих оргий.

Есть все основания полагать, что Господь Лето проявляет большой интерес к совместному проекту Гильдии и Икса, поскольку при его успехе снизится потребность в меланжи, а это уменьшит власть Лето в Империи.

Он продолжает иметь дела с Иксом, поскольку там изготовили его повозку и продолжают вносить в нее усовершенствования.

Новый гхола Дункан Айдахо был прислан Господу Лето с Тлейлаксу. Это определенно говорит в пользу того, что предыдущий гхола мертв, хотя обстоятельства его смерти остаются нам неизвестны. Мы хотим обратить ваше внимание на то, что есть данные, по которым можно утверждать, что Господь Лето самолично убил нескольких своих гхола.

Существует все возрастающее количество свидетельств в пользу того, что в своей деятельности Господь Лето использует компьютеры. Если он действительно нарушает свои собственные запреты и проскрипции бутлерианского джихада, то при наличии доказательств мы могли бы усилить свое влияние на Господа Лето, возможно, даже образовать с ним совместное предприятие, создания которого мы давно добиваемся. Нашей первоочередной задачей является по-прежнему суверенный контроль над селекционной программой. Мы, естественно, будем продолжать наши исследования, но со следующими мерами предосторожности:

Как и в каждом докладе, который предшествовал данному, мы должны сказать несколько слов о предзнании, которым обладает Господь Лето. Нет сомнения, что его способность предсказывать события задолго до их реализации, дар оракула, которым он обладает в гораздо большей мере, чем любой из его предков, – суть основа его политической власти.

Мы ни в коем случае не отрицаем этого!

Более того, мы глубоко убеждены, что он знает о каждом нашем важном действии задолго до того, как мы решаем его предпринять. Таким образом, своими действиями мы ни в коей мере не способны создать для него какую-либо опасность или поставить под угрозу исполнение его планов. Мы должны обратиться к нему приблизительно со следующими словами:

«Говорите нам о том, что наши планы угрожают вам, чтобы мы могли вовремя прекратить их осуществление».

И:

«Скажите нам о ваших планах, чтобы мы могли помочь их осуществлению».

Он не дал ответа ни на один вопрос из всех, которые были нами заданы.

Иксианцы

Нам практически нечего сообщить вам об Иксе, кроме совместного проекта Гильдии и Икса. Больше ничего интересного об Иксе мы сообщить в данный момент не можем. Икс послал на Арракис нового посла ко двору Господа Лето. Это Хви Нори – племянница Малки, который был когда-то по слухам добрым товарищем Господа Лето. Причина замены посла неизвестна, хотя есть основания подозревать, что Хви Нори воспитана для определенной цели,

возможно, специально для представительства Икса на Арракисе. Мы полагаем, что и сам Малки был генетически предрасположен к тому, кем он был для Лето.

Мы продолжим наши исследования в этом направлении.

Музей фримена

Эти выродившиеся реликты некогда гордого племени воинов продолжают действовать как наш главный источник информации о событиях, происходящих на Арракисе. Этот музей представляет собой большую статью расходов нашего бюджета, потому что его аппетиты растут, а мы не можем позволить себе портить отношения с ним.

Интересно в этой связи отметить, что хотя их жизнь очень мало напоминает жизнь их далеких предков, копирование фрименского образа жизни безупречно. Мы приписываем это влиянию Говорящих Рыб на подготовку сотрудников Музея фримена.

Тлейлаксу

Мы не ждем каких-либо сюрпризов от нового гхола Дункана Айдахо. Тлейлаксу не хотят снова возбуждать недовольство Господа Лето, как это было однажды, когда они вознамерились изменить клеточную природу и психику очередного Дункана Айдахо.

Последние сообщения с Тлейлаксу говорят о том, что они снова хотят вовлечь нас в совместное с ними предприятие по созданию чисто женского сообщества, в котором не было бы необходимости в мужчинах. По очевидной причине, включающей в себя неприятие того, что исходит с Тлейлаксу, мы, как всегда, ответили вежливым отказом. Наше посольство при Городе Празднеств во время традиционного Фестиваля доложит Господу Лето о нашем решении.

С искренним уважением подписано:

Преподобные Матери: Сиакса, Йитоб, Мамулут, Экнекоск и Акели.

Это может показаться странным, но великая борьба, образцы которой вы можете почерпнуть из моих записок, очень часто остается невидимой для тех, кто в этой борьбе принимает непосредственное участие. Очень многое зависит от того, о чем мечтает человек в глубине своей души. Я всегда уделял самое пристальное внимание четкому оформлению не только своих действий, но и своих мечтаний. Между строк моих записок вы можете прочесть о моей борьбе со взглядами человечества на самое себя – это тяжкая битва на поле, где правят мотивы, корнящиеся в нашем непроницаемом прошлом, возникают из бессознательного и становятся событиями, с которыми нам приходится не только жить, но и бороться. Это чудовище с головой гидры, которое нападает на нас с невидимой нами стороны. Поэтому я молюсь о том, чтобы вы, когда вам удастся пройти мою часть Золотого Пути, не остались детьми, танцующими под музыку, которая не слышна вам самим.

(Похищенные записки)

Твердыми, тяжелыми шагами Наила поднималась по винтовой лестнице, ведущей в Зал Аудиенций Бога-Императора на вершине южной башни Цитадели. Каждый раз, когда Наила пересекала юго-восточную арку башни, она видела лучи солнца, падавшие сквозь узкие окна и видимые во взвешенной в воздухе пыли. Наила знала, что в центральной стене башни, за ее спиной, находится лифт, достаточно мощный, чтобы перемещать огромное тело Бога, и кото-

рый, без сомнения, мог бы поднять ее невесомое в сравнении с такой тяжестью тело. Однако тот факт, что она была обязана подниматься пешком, не вызывал у женщины возмущения.

Ветерок, дувший сквозь бойницы, доносил до Наилы кремнистый жаркий запах обдуваемой знойными бурями Пустыни. Низкое солнце освещало сложенную из грубого камня внутреннюю стену, и вкрапления из красного минерала вспыхивали в лучах солнца, как спички. Временами Наила бросала взгляд в узкие окна и видела дюны. Как ей хотелось остановиться и насладиться этим величественным зрелищем! Но...

– У тебя героическое терпение, Наила, – сказал ей однажды Господь Лето.

Воспоминание об этих словах согрело душу женщины.

Лето следил за продвижением Наилы с помощью хитроумного иксианского приспособления, которое формировало перед глазами Императора трехмерное голографическое изображение женщины в три четверти натуральной величины.

Как точны ее движения, подумал он.

Эта точность проистекает из ее одухотворенной страстью простоты.

Наила была одета в синий мундир Говорящих Рыб с капюшоном, но без ястреба на груди. Миновав пост охраны, она сбросила лицевую маску, в которой была обязана явиться на аудиенцию. Ее массивное мускулистое тело было таким же, как тела ее товарок, но лицо было совершенно необыкновенным. Оно было практически квадратным. Это впечатление усиливал большой рот, который, казалось, окружал щеки. Рот казался еще больше от глубоких складок, которые залегали у углов рта. Глаза светло-зеленые, коротко подстриженные волосы напоминали старую слоновую кость. Лоб гармонировал с лицом – он был широким и совершенно плоским, светлые брови казались незаметными из-за яркости глаз. Плоский прямой нос заканчивался практически у линии тонких губ.

Когда Наила говорила, ее челюсти двигались, как у примитивного животного. О ее силе среди Говорящих Рыб ходили легенды. Лето видел однажды, как она без всяких видимых усилий подняла одной рукой мужчину весом сто килограммов. Наила прибыла на Арракис без ведома Монео, хотя мажордом, конечно, знал, что Лето использует Говорящих Рыб в качестве своих тайных агентов.

Лето отвернулся от движущегося голографического изображения и посмотрел в широкое окно, бросив взгляд на пустыню, раскинувшуюся к югу от Цитадели. Перед его глазами заплясали цвета скал – коричневый, золотой, янтарный. Далекая скала, имевшая очертания белой цапли, обрела в лучах заходящего солнца фантастический розовый ореол. Белые цапли не водились на Арракисе и существовали только в памяти Лето. Стоило ему представить себе этот белый камень, как казалось, что перед глазами пролетает грациозная большая птица.

Подъем по лестнице должен был утомить даже Наилу, поэтому, Лето знал это по опыту, женщина остановится отдохнуть, причем остановится точно на две ступени ниже отметки в три четверти. Это было проявлением пунктуальности Наилы – черты, из-за которой ее и взяли в Сарьир из далекого сепрекского гарнизона.

На расстоянии нескольких размахов крыльев от окна пролетел дюнный ястреб. Внимание Лето привлекли также тени у подножия Цитадели – там обитали какие-то мелкие зверьки. Ястреб пролетел на фоне облаков.

Это зрелище было удивительным для души старого фримена, каким был Лето: облака на Арракисе, дожди и открытые водоемы.

Лето прислушался к своему внутреннему голосу: осталась последняя пустыня – мой Сарьир; превращение Дюны в зеленый Арракис с первого дня моего правления проводилось в жизнь беспощадной железной рукой.

Влияние географии на историю осталось совершенно незамеченным, подумал Лето. *Люди чаще задумываются о влиянии истории на географию.*

Кому принадлежат русла этих рек? Зеленые долины? Этот полуостров? Эта планета?

Никому из нас.

Наила снова двинулась по лестнице, взгляд ее был устремлен на ступени, которые ей предстояло преодолеть. Лето снова стал наблюдать за ней.

Во многих отношениях она самый полезный помощник из всех, кто у меня когда-либо был. Я – ее Бог. Она поклоняется мне без всяких вопросов и рассуждений. Даже когда я шутки ради подвергаю испытанию ее веру, она и воспринимает это как простое испытание. Она знает, что способна выдержать любое испытание.

Когда он послал ее в среду заговорщиков и велел подчиняться Сионе, Наила не стала задавать вопросов. Если Наила в чем-то сомневалась, даже в тех случаях, когда она была способна выразить свои сомнения словами, ее мыслей вполне хватало на восстановление веры. Или это было раньше, а теперь... Последнее послание Наилы говорило о том, что требуется личная аудиенция у Божества, чтобы восстановить внутреннюю силу Наилы.

Лето припомнил первый разговор с ней, с женщиной, которая трепетала от желания уго-
дить.

– Даже если Сиона пошлет тебя убить меня, ты обязана подчиниться. Она ни в коем случае не должна знать, что ты служишь мне.

– Никто не может убить вас, господин.

– Но ты должна повиноваться Сионе.

– Конечно, господин, ведь это ваш приказ.

– Ты должна повиноваться ей во всем.

– Я сделаю это, господин.

Это просто еще одно испытание. Наила не обсуждает их, а воспринимает как укусы мухи. Ее Господь требует? Наила подчиняется. Я не должен допустить, чтобы эти отношения каким-то образом изменились.

В старые времена из нее получилась бы превосходная шадут, подумал Лето. Именно по этой причине он в свое время дал ей отравленный фрименский нож, один из немногих настоящих ножей, сохранившихся со времен сиегта Табр. Этот нож принадлежал когда-то одной из жен Стилгара. Теперь Наила носила его под плащом, больше в качестве талисмана, нежели в качестве оружия. Лето дал ей нож, выполнив при этом особый ритуал, который пробудил в его памяти эмоции, которые, как он сам считал, были навсегда похоронены в ее глубинах.

– Это зуб Шай-Хулуда.

Он протянул ей клинок своими руками, обтянутыми серебристой чешуей.

– Прими его, и ты станешь частью одновременно прошлого и будущего. Осквернишь его, и твое прошлое не даст тебе перейти в будущее.

Наила приняла нож, потом ножны.

– Рассеки палец до крови, – приказал Лето.

Наила повиновалась.

– Вложи клинок в ножны. Если обнажишь его, то кровь должна пролиться.

Наила снова безмолвно повиновалась.

Глядя на приближающееся трехмерное изображение Наилы, Лето почувствовал, как его воспоминания о старинной церемонии окрашиваются в грустные тона. Старый фримен мертв, а без него весь ритуал, да и сам нож превращаются в бесполезную игрушку. Польза сохранится только до тех пор, пока жива Наила.

Я отбросил часть своего прошлого.

Очень печально, что шадут прошлого выродился в Говорящих Рыб настоящего, а древний нож используется только для того, чтобы крепче привязать слугу к хозяину. Лето знал, что многие считают Говорящих Рыб жрицами – на это он отвечал Бене Гессерит.

Он создает новую религию, – утверждал Орден.

Чушь! Я не создал религию. Я сам – религия!

Наила вошла в зал и остановилась в трех шагах от повозки. Взгляд, как и положено, опущен долу.

– Женщина, подними глаза, – произнес Лето, все еще охваченный своими воспоминаниями.

Наила повиновалась.

– Я создал священную непристойность, – сказал он. – Религия, центром которой являюсь я сам, отвратительна мне самому.

– Да, господин.

В зеленых глазах Наилы не было намека на вопрос, не было размышлений, не было даже желания что-то ответить.

Если я пошлю ее собирать с неба звезды, она пойдет и попытается это сделать. Она думает, что я снова ее испытываю. Мне кажется, что она в конце концов может меня разозлить своей покорностью.

– Эта проклятая религия должна закончиться вместе со мной! – крикнул Лето. – Почему я должен навязывать религию моему народу? Религии разрушаются изнутри – так же, как Империи и личности! Все происходит одинаково.

– Да, господин.

– Религии порождают таких фанатиков и радикалов, как ты!

– Благодарю вас, господин.

Какое-то подобие ярости быстро промелькнуло в глубинах его памяти. Ничто не могло оставить след в вере Наилы.

– Топри все доложил мне через Монео, – сказал Лето. – Теперь расскажи мне о Топри.

– Топри – червь.

– Не так ли вы называете и меня, когда собираетесь на свои мятежные сходки?

– Я во всем повинуюсь моему господину.

Тыше!

– Стало быть, Топри не подлежит обработке? – спросил Лето.

– Сиона правильно его оценила. Он неуклюж. Он говорит вещи, которые повторяют другие, и его рука сразу становится видна в каждом деле. Буквально спустя секунду после того, как Кобат начал говорить, Сиона поняла, что Топри – шпик.

С этим согласны все, даже Монео, подумал Лето. *Топри – плохой агент.*

Это единодушие доставило Лето удовольствие. Эти мелкие махинации слегка замутили воду, которую он сам считал совершенно прозрачной. Однако действующие лица пока неплохо справлялись со сценарием.

– Не подозревает ли Сиона тебя?

– Я не отличаюсь неуклюжестью.

– Знаешь ли ты, зачем я тебя позвал?

– Чтобы испытать мою веру.

Ах, Наила, как мало знаешь ты об испытаниях.

– Я хочу, чтобы ты сказала, как ты оцениваешь Сиону. Я хочу увидеть ее на твоём лице, увидеть ее в твоих движениях и услышать ее в твоём голосе, – сказал Лето. – Готова ли она?

– Она нужна Говорящим Рыбам, господин. Зачем вы подвергаете ее такому риску?

– Форсировать события – это самый верный путь потерять то, что я больше всего ценю в Сионе, – ответил Лето. – Она должна прийти ко мне с растраченными силами.

Наила опустила глаза.

– Как будет угодно моему господину.

Лето понял смысл этого ответа. Наила всегда реагировала так на вещи, смысл которых был ей непонятен.

– Переживет ли она испытание, Наила?

– Судя по описанию испытания... – Наила подняла голову, посмотрела в глаза Лето и пожала плечами. – Я не знаю, господин. Конечно, она сильна. Она – единственная, кто сумел уйти от волков. Но ею управляет ненависть.

– Это естественно, – возразил Лето. – Скажи мне, Наила, что она собирается делать с вещами, украденными у меня?

– Разве Топри не сказал вам, что она сделала с книгами, в которых содержатся Ваши Священные Слова?

Как она умеет выделять голосом заглавные буквы в словах, подумал Лето, прежде чем заговорить:

– Да, да. Иксианцы получили свою копию, а скоро Гильдия и Община Сестер засядут за тяжкую работу по расшифровке моих записей.

– Что это за книги, господин?

– Это мое обращение к моему народу. Я хочу, чтобы их прочитали. Я хочу знать, что сказала Сиона о карте Цитадели, которую она тоже взяла.

– Она говорит, что под фундаментом Цитадели расположено огромное хранилище меланжи, господин, и что по карте можно понять, где оно находится.

– По карте она этого не поймет. Собирается ли она прокладывать подземный ход под Цитадель?

– Она хочет добыть у иксианцев необходимые для этого инструменты.

– Она их не получит.

– Действительно ли там находится Пряность, господин?

– Да.

– О том, как охраняются эти сокровища, ходят легенды. Говорят, что рассыплется весь Арракис, если кто-нибудь попытается проникнуть на этот склад. Это правда?

– Да, такая попытка сотрясет всю Империю. Не уцелеют ни Гильдия, ни Община Сестер, ни Икс, ни Тлейлаксу, ни даже Говорящие Рыбы.

По телу Наилы пробежала невольная дрожь.

– Я не позволю Сионе добраться до запасов меланжи.

– Наила, я же приказал тебе во всем повиноваться Сионе. Вот как ты верно мне служишь!

Она застыла перед ним, полная страха перед его гневом. Никогда еще не была она так близко от того, чтобы потерять веру. То был кризис, который он намеренно создал, зная, чем все закончится. Наконец Наила медленно пришла в себя и успокоилась. Он видел ее мысли так же ясно, как если бы они были высказаны вслух.

Последнее испытание!

– Ты вернешься к Сионе и будешь защищать ее жизнь ценой своей, – сказал Лето. – Это задание, которое я дал тебе, а ты согласилась его принять. Именно поэтому я выбрал тебя. Вот почему только ты носишь отравленный фрименский нож Стилгара.

Наила пощупала рукой спрятанный под накидкой нож.

Как это верно, подумал Лето, *что оружие способно сделать поведение человека вполне предсказуемым.*

Он зачарованно посмотрел на напряженное тело Наилы. В глазах ее не было ничего, кроме обожания.

Конечный результат риторического деспотизма... скоро я начну его презирать!

– Иди! – рявкнул он.

Наила сделала поворот кругом и покинула Священное Присутствие.

Стоит ли оно того? – подумал Лето.

Однако Наила сказала ему то, что он хотел знать. Она восстановила и обновила свою веру и открыла ему то, что скрывалось под туманным образом Сионы. Инстинктам Наилы можно верить.

Сиона достигла того взрывоопасного момента, который был мне так нужен.

Дунканы всегда находили очень странным то, что я формирую вооруженные силы из жещицин, но дело в том, что мои Говорящие Рыбы – это во всех смыслах временная армия. Хотя жещицины могут проявлять насилие и ярость, они сильно отличаются от мужчин в своем увлечении битвой. Колыбель бытия предрасполагает их к более бережному отношению к жизни. Они являются лучшими хранителями Золотого Пути. Я лишь усилил эту врожденную предрасположенность системой тренировок. На какое-то время я вырываю их из обыденной рутины, они получают то, о чем потом с удовольствием вспоминают всю оставшуюся жизнь. В юном возрасте они вступают в товарищество Сестер и готовятся к вещам очень глубоким. В таких товариществах люди всегда готовятся к великим свершениям. Воспоминания о днях, проведенных с Сестрами, покрывается со временем ностальгической дымкой, то время кажется им чудесным и непохожим на те серые будни, которые они вынуждены владать ныне. Именно таким способом можно сегодня менять ход будущей истории. Современники в действительности не живут в одно время. Прошлое всегда меняется в их глазах, но лишь немногие понимают это.

(Похищенные записки)

Отправив послание Говорящим Рыбам, Лето поздним вечером спустился в крипту. Он решил, что лучше всего будет устроить новому Дункану аудиенцию в темноте, чтобы Лето сначала описал себя и только потом дал возможность новому Айдахо увидеть свое тело пресуществующего Червя. Таким требованиям удовлетворяла небольшая комната, вырубленная в черном камне неподалеку от центральной ротонды. Помещение было достаточно большим, чтобы вместить Лето в его тележке, хотя потолок был очень низок. Освещение Лето мог регулировать по собственному усмотрению, дверь была одна, но состояла из двух секций – одной большой, достаточной для проезда Королевской тележки, а вторая – маленькие воротца для прохода людей.

Лето направил тележку в помещение, закрыл большие ворота, открыл маленькую дверь и после этого приготовился к церемонии.

Самой большой проблемой была скука. Изделия тлейлаксиянцев были стандартизованы настолько, что один гхола нисколько не отличался от всех прочих. Однажды Лето даже предупредил тлейлаксиянцев, чтобы они больше не делали одинаковых Дунканов, но он сам прекрасно сознавал, что в этом они откажутся повиноваться ему.

Иногда я думаю, что они поступают так просто из духа противоречия!

На Тлейлаксу жестко держались за эту привилегию, понимая, что это залог их выживания.

Присутствие Айдахо тешит во мне Пауля Атрейдеса.

Лето сказал Монео, когда мажордом впервые появился в Цитадели:

– Дункан должен явиться ко мне после дополнительной подготовки. Ты должен проследить, чтобы мои гурии смягчили его и ответили на некоторые его вопросы.

– На какие вопросы они имеют право отвечать, господин?

– Они знают.

За много лет Монео давно изучил процедуру во всех подробностях.

За дверью раздались голоса Монео и эскорта из Говорящих Рыб. Послышался неуверенный шаг нового гхола.

– Входи в эту дверь, – сказал Монео. – Там темно. Остановись, как только войдешь, мы закроем дверь, а ты жди, когда заговорит господин Лето.

– Почему там темно? – не скрывая возмущения, спросил Дункан.

– Он сам тебе все объяснит.

Айдахо втолкнули в темное помещение и заперли за ним дверь.

Лето прекрасно знал, что видит сейчас Дункан: тени среди теней; в непроглядном мраке он не сможет даже определить, откуда раздается голос Лето. Как обычно, Лето заговорил голосом Пауля Муад'Дибана:

– Я рад снова видеть тебя, Дункан.

– Но я не могу вас видеть!

Айдахо был воин, а воин атакует. Этот выпад убедил Лето, что копия полностью повторяет оригинал. Моральная игра, с помощью которой тлейлаксианцы пробуждали предсмертную память Дунканов, оставляла некоторую неопределенность в их мышлении. Некоторые Айдахо полагали, что когда-то угрожали Муад'Дибану. Этот гхола тоже разделял подобную иллюзию.

– Я слышу голос Пауля, но не в состоянии его разглядеть, – сказал Айдахо. Он даже не попытался скрыть растерянность – она прозвучала в его голосе.

Зачем это Атрейдед продолжает играть в свою глупую игру? Пауль давно мертв, а здесь присутствует Лето, который говорит ожившим голосом Пауля, его памятью, впрочем, как и памятью многих и многих других! – если, конечно, тлейлаксианцы сказали ему правду.

– Тебе сказали, что ты лишь последний в длинной череде двойников, – произнес Лето.

– Сам я не помню этого.

Лето расслышал в тоне Айдахо почти истерику, едва прикрытую храбростью воина. Будь прокляты эти тлейлаксианцы – их бродильные чаны производили людей с крошкой в мозгах! Этот Дункан прибыл в состоянии, близком к шоку, подозревая, что безумен. Лето понимал, что потребуются тончайшие движения души, чтобы привести беднягу в чувство. Это будет тяжким эмоциональным потрясением для обоих.

– Произошло много изменений, Дункан, – заговорил Лето, – лишь одно осталось неизменным – я все еще Атрейдед.

– Мне сказали, что ваше тело...

– Да, оно изменилось.

– Проклятые тлейлаксианцы! Они пытались заставить меня убить того, кого я... короче, он был похож на вас. И я вдруг вспомнил, кто я, и было... Это мог быть гхола Муад'Дибана?

– Уверю тебя, это был обычный мим, Танцующий Лицом.

– Он был так похож... Вы полностью уверены?

– Нет, нет. Это был актер, не более того. Он остался жив?

– Конечно! Но именно так они пробудили мою память. Они мне все объяснили. Это правда то, что они говорили?

– Это истинная правда, Дункан. Мне отвратительны эти игры, но я допустил их не в силах отказать себе в удовольствии находиться в вашем обществе.

Потенциальные жертвы всегда выживают, подумал Лето. Особенно это касается потенциальных жертв Дунканов. Бывают, конечно, и ошибки. Поддельных Муад'Дибанов убивают, а Дунканы не удаются. Но на этот случай существуют тщательно сохраняемые клетки оригиналов.

– Так что произошло с вашим телом? – продолжал настаивать Айдахо.

Теперь можно оставить личину Муад'Дибана. Лето заговорил своим обычным голосом:

– Я сделал из песчаных форелей новую кожу для себя. Дальше все произошло само собой – они изменили мою внешность.

– Зачем?

– Я объясню тебе все по ходу дела.

– Тлейлаксианцы говорят, что вы выглядите как песчаный червь.

– А что говорят мои Говорящие Рыбы?

– Они говорят, что вы – Бог. Почему вы называете их Говорящими Рыбами?

– Это старая уловка. Первая жрица говорила, что во сне она разговаривала с рыбами. Таким образом эти женщины узнают массу полезных и ценных вещей.

– Но откуда вы об этом знаете?

– Я сам – эти женщины... и то, что было до них и будет после них.

Лето услышал, как Айдахо судорожно проглотил слюну.

– Теперь я понимаю, почему здесь темно. Вы даете мне время привыкнуть к вам.

– Ты всегда был очень быстр Айдахо.

Кроме тех случаев, когда становился слишком медлительным.

– Как давно вы изменились?

– Тридцать пять веков назад.

– Выходит, тлейлаксианцы сказали мне правду.

– Мне они редко осмеливаются лгать.

– Но это очень долгий срок.

– Очень долгий.

– Тлейлаксианцы копировали меня много раз?

– Много.

Теперь настало время спросить, сколько именно раз.

– И сколько копий они изготовили?

– Ты сам прочтешь этот реестр.

Вот так это начинается, подумал Лето.

Такой разговор обычно удовлетворял Дунканов, хотя мучительная суть вопроса этим не разрешалась.

«Сколько же раз я являлся?»

Дунканы не замечали, что их новая плоть отличается от старой, хотя передачи памяти между гхола не происходило.

– Я помню свою смерть, – заговорил Айдахо. – Блеск мечей людей Харконнена, которые пытались убить вас и Джессику.

Лето снова заговорил голосом Муад’Диб:

– Да, это был я, Дункан.

– Таким образом, я являюсь заменой, это так? – спросил Дункан.

– Это верно, – ответил Лето.

– Как другой... я... я хочу спросить, как он умер?

– Всякая плоть в конце концов изнашивается, ты прочтешь об этом в отчетах.

Лето терпеливо ждал, удивляясь тому, насколько велико недоверие Дункана ко всей этой истории.

– Как вы в действительности выглядите? – спросил Айдахо. – Что это за тело червя, о котором твердили тлейлаксианцы?

– Когда-нибудь я буду выглядеть как настоящий песчаный червь. Метаморфоз не закончен и продолжается.

– Что вы имеете в виду под настоящим червем?

– У него увеличится количество ганглиев, которые сообщат червю человеческое сознание.

– Нельзя ли зажечь здесь свет, я хочу посмотреть на вас.

Лето дал команду, и помещение было тотчас залито ярким светом. Черные стены и пучок света, сфокусированный на живом Боге, – тело Лето стало видимым во всех мельчайших деталях.

Айдахо вперил недоуменный взор в разделенное поперечными полосами тело червя, на котором выступали едва заметные рудименты рук и ног. При этом один из них был заметно

короче других. Он снова посмотрел на остатки конечностей, потом поднял глаза и увидел розовое лицо, которое выглядело довольно нелепо на фоне огромного тела.

– Я предупреждал тебя, Дункан.

Айдахо от изумления потерял дар речи.

– Зачем это нужно? – спросил за него Лето.

Айдахо кивнул.

– Я все еще Атрейдес, Дункан, и уверяю тебя, что для этого были очень веские причины.

– Но что...

– Об этом ты узнаешь в свое время.

Айдахо молча покачал головой.

– Это не слишком приятное откровение, – сказал Лето. – Сначала ты должен узнать более важные для себя вещи. Положись на слово Атрейдеса.

На протяжении столетий Лето убедился в том, что упоминание о верности Атрейдесам безотказно гасило все вопросы Айдахо. Сработало и на этот раз.

– Значит, я снова призван на службу к Атрейдесам, – сказал Айдахо. – Это мне знакомо, не так ли?

– Во многом да, мой друг.

– Для вас я старый друг, но для себя самого... Как я буду служить?

– Разве тебе не рассказали об этом Говорящие Рыбы?

– Они сказали, что я буду командовать элитной гвардией, набранной из них. Этого я не понял. Что, армия состоит из женщин?

– Мне нужен верный товарищ, который командовал бы армией. Ты возражаешь?

– Но почему женщины?

– Между полами существует большая поведенческая разница, и поэтому женщины особенно ценны в роли гвардейцев.

– Вы не ответили на мой вопрос.

– Ты полагаешь, что они не подходят на эту роль?

– Некоторые из них выглядят весьма крепкими, но...

– Но другие проявили непозволительную мягкость, не правда ли?

Айдахо покраснел.

Лето нашел эту реакцию очаровательной. Дунканы оставались одними из немногих в эти времена, кто сохранил способность краснеть. Все это было понятно и объяснимо – Айдахо прошел курс обучения в те времена, когда были иные понятия о чести – он был настоящий рыцарь.

– Я не понимаю, почему вы доверили женщинам охранять свою жизнь? – Кровь медленно отхлынула от его щек. Он взглянул в глаза Лето.

– Но я всегда доверял им так же, как доверяю тебе, – я доверяю вам свою жизнь.

– От какой опасности мы должны вас охранять?

– Тебя введут в курс дела Монео и Говорящие Рыбы.

Айдахо переминался с ноги на ногу, тело его дрожало в такт бешеному сердцебиению. Он лихорадочно озибался, осматривая блуждающим взглядом стены и потолок маленького помещения. Внезапно он принял решение и посмотрел в лицо Лето.

– Как мне обращаться к вам?

– Ты согласишься называть меня Господь Лето?

– Да... господин? – Айдахо, не отводя взор, посмотрел в голубые фрименские глаза Лето. – Правду ли говорят Рыбы, что... вы храните множественную память... память о...

– Да, мы все здесь, Дункан, – теперь Лето говорил голосом своего деда с отцовской стороны, потом:

– Здесь даже женщины, – теперь звучал голос бабки Лето по отцовской линии.

– Ты их знал, а они знали тебя, – сказал Лето.

Дрожа всем телом, Айдахо перевел дух.

– Мне потребуется какое-то время, чтобы к этому привыкнуть.

– Моя реакция была поначалу точно такой же, – отозвался Император.

Айдахо разразился хохотом. Лето подумал, что его намек вряд ли мог быть поводом для такого безудержного смеха, но ничего не сказал.

Успокоившись, Айдахо заговорил:

– Ваши Говорящие Рыбы должны были привести меня в хорошее расположение духа?

– Они преуспели в этом, не правда ли?

Дункан внимательно присмотрелся к лицу Императора, узнавая в нем отчетливые черты Атрейдесов.

– Вы, Атрейдесы, всегда хорошо понимали, чем можно меня расположить к себе, – сказал Айдахо.

– Вот так-то лучше, – похвалил его Лето. – Ты начинаешь понимать, что я не один Атрейдес, а все они, вместе взятые.

– Это когда-то говорил мне Пауль.

– Я говорю то же самое! – этого человека могли убедить только голос и интонации Пауля Муад'Диб.

Айдахо судорожно плотнул и повернулся к двери.

– Вы что-то отняли у нас, – проговорил Айдахо. – Я это чувствую. Монео, женщины...

Мы против вы, подумал Лето. *Эти Дунканы всегда, что бы ни происходило, берут сторону людей.*

Айдахо вновь посмотрел в лицо Лето.

– Что вы дали нам взамен?

– Мир Лето во всей Империи!

– И я вижу, что все счастливы до блаженства! Именно поэтому вы нуждаетесь в личной охране.

Лето улыбнулся.

– Мой мир усилил спокойствие, а люди всегда восстают против спокойствия.

– И кроме того, вы даете нам Говорящих Рыб.

– И иерархию, которая определяется людьми безошибочно.

– И женскую армию, – процедил сквозь зубы Айдахо.

– Это сила, способная обуздать мужчин, – заметил Лето. – Секс всегда был средством подчинить себе агрессивность мужчины.

– Именно этим они и заняты – смирением агрессивности?

– Они предотвращают и сглаживают инциденты, которые в противном случае могли бы привести к еще большему насилию.

– И это вы заставили их поверить в вашу Божественность? Я бы не сказал, что мне это нравится.

– Путь святости для меня не менее тяжел, чем для тебя.

Айдахо нахмурился. Он ожидал совершенно иного ответа.

– Какую игру вы ведете, Господь Лето?

– Очень древнюю, но по новым правилам.

– По вашим правилам!

– Ты хочешь, чтобы я снова позволил устанавливать правила ОСПЧТ Совету Земель и Великим Домам?

– Тлейлаксианцы говорят, что Совета Земель больше не существует. Вы упразднили всякое самоуправление.

– Ну хорошо, тогда, допустим, я мог бы уступить место Бене Гессерит, или иксианцам, или тем же тлейлаксиянцам. Ты хочешь, чтобы я нашел еще одного барона Харконнена и вручил ему власть над Империей? Скажи только слово, Дункан, и я отрежусь!

От такого натиска Айдахо только покачал головой.

– В злых руках, – сказал Лето, – монолитная централизованная власть – опасный и скользкий инструмент.

– А ваши руки – подходящие для этого?

– Я не могу с уверенностью сказать, подходят ли мои руки для того, чтобы держать власть, но я могу сказать это со всей определенностью о руках тех, кто был до меня. Их-то я знаю очень хорошо.

Айдахо повернулся к Лето спиной.

Какой очаровательный, чисто человеческий жест, подумал Лето. *Неприятие вкупе с осознанием своей уязвимости.*

Лето заговорил в спину Айдахо:

– Ты совершенно прав в том, что я иногда использую людей без их осознанного согласия.

Айдахо обратился к Лето свой профиль, потом взглянул в лицо Императору, слегка приподняв голову, чтобы взглянуть в синие, как небо, глаза повелителя.

Он меня изучает, подумал Лето. *Но для вынесения суждения он может пользоваться только лицом.*

Атрейдесы учили своих людей читать мысли и чувства людей по малейшим нюансам жестов и мимики, но в данном случае задача была за гранью способностей Айдахо.

Дункан откашлялся.

– Что плохого вы от меня ждете? – спросил он.

Как это похоже на Дункана! – подумал Лето. Этот был классическим представителем, он не нарушит верность Атрейдесам, но при этом не сможет подняться над рамками своей личной морали и нравственности.

– От тебя потребуются охранять меня всеми необходимыми средствами и хранить мою тайну.

– Какую тайну?

– Что я уязвим.

– Так вы не Бог?

– Не в этом конечном смысле.

– Ваши Говорящие Рыбы рассказывали о мятежниках.

– Они действительно существуют.

– Почему?

– Они молоды и мне не удалось убедить их, что мой путь лучше. Очень трудно убедить молодежь в чем бы то ни было. Они обременены слишком большими знаниями.

– Я не помню, чтобы Атрейдесы прежде так презрительно относились к молодежи.

– Вероятно, это оттого, что сам я очень стар – моя старость помножена на старость других. Моя задача усложняется с каждым следующим поколением.

– В чем заключается ваша задача?

– Постепенно ты сам это поймешь.

– Что будет, если я не справлюсь со своей задачей? Ваши женщины меня ликвидируют?

– Я не стану отягощать женщин чувством вины.

– Значит, вы отяготите им меня?

– Если ты примешь это условие.

– Если я найду, что вы хуже Харконнена, то обращусь против вас.

В этом весь Дункан. Они меряют все зло Харконненами. Как мало знают они о зле.

– Барон пожрал целые планеты, Дункан. Что может быть хуже этого?

– Пожрать всю Империю.
– Я чреват Империей, Дункан. Умирая, я дам ей жизнь.
– Если бы я мог в это поверить...
– Ты будешь командовать моей гвардией?
– Но почему я?
– Потому что ты самый лучший.
– Воображаю, какая это опасная работа. От нее принимали смерть мои предшественники?
– Некоторые из них.
– Хотелось бы мне иметь их память.
– Ты не можешь ее иметь и поэтому будешь оригинален в решениях.
– Тем не менее я хотел бы о них знать.
– Ты узнаешь о них.
– Итак, Атрейдесам все еще нужны острые ножи?
– У нас есть дела, которые можно доверить только Дункану Айдахо.
– Вы хотели сказать – Дунканам... – Айдахо поперхнулся, посмотрел на дверь, потом на лицо Лето.

Лето заговорил с ним как Муад'Диб, но голосом Лето:

– Когда мы последний раз вместе карабкались к снетчу Табр, то были верны друг другу – ты мне, а я тебе. С тех пор ничто не изменилось.
– Но то был ваш отец.
– Это был я! – восклицание Муад'Диб поразило гхола до глубины души.
– Все вы... в одном теле... – прошептал Айдахо. Он был сломлен и сдался, прекратив сопротивление.

Лето молчал. Наступил решительный момент.

Айдахо улыбнулся своей характерной улыбкой, выражавшей: «Да черт бы вас всех побрал в конце концов!»

– Тогда я хочу говорить с первым Лето и Паулем, с теми, кто лучше всех меня знал. Используйте меня как следует, ведь я действительно любил вас.

Лето прикрыл глаза. Эти слова всегда расстраивали его. Он знал, что это была любовь к тем, по отношению к кому он был наиболее уязвим.

На помощь пришел Монео, слышавший весь разговор. Он вошел в помещение.

– Господин, должен ли я отвести Лето к гвардии, которой он будет командовать?

– Да, – это было единственное слово, которое Лето был сейчас в состоянии произнести.

Монео взял Айдахо под руку и вывел его из комнаты.

Добрый Монео, подумал Лето. Как он добр. Он так хорошо меня понимает, но я скоро приду в полное отчаяние от его понимания.

Я хорошо сознаю все зло моих предков, потому что я и эти люди – одно. Равновесие очень и очень хрупко. Я знаю, немногие из вас, тех, кто читает эти слова, когда-либо думали о своих предках так, как я. Вам никогда не приходило в голову, что ваши предки выжили наперекор обстоятельствам, и само выживание потребовало от них диких решений, произвольной, необузданной жестокости, жестокости, которую с таким трудом подавляет в себе цивилизованное человечество. Какую цену согласны вы платить за такое подавление? Примете ли вы со смирением собственный уход?

(Похищенные записки)

Одеваясь утром первого дня своей службы, Айдахо постарался стряхнуть с себя следы ночного кошмара. Он просыпался от него дважды и оба раза выходил на балкон, смотрел на звезды, а сон продолжал реветь у него в ушах.

Женщины... безоружные женщины в черных доспехах... надвигались на него с диким бессмысленным криком, как чудовищная шайка разбойников... они размахивали руками, влажными от алой крови... когда они набросились на него, то обнажили в страшных улыбках огромные острые клыки!

В этот момент он просыпался.

Утренний свет не сгладил тягостное впечатление от ночного видения.

Ему отвели комнату в северной башне. С балкона открывался вид на дюны и дальнюю скалу с глинобитными домиками у ее подножия.

Глядя на эту сцену, Айдахо застегнул тунику.

Почему Лето набирает в свою армию только женщин?

Несколько хороших Говорящих Рыб предложили своему новому командиру провести с ними ночь, но он отказался. Не подобает Атрейдесам завоевывать верность слуг сексом!

Он осмотрел свою одежду: черная форма с золотыми шевронами и красным ястребом на левой стороне груди. Это по крайней мере знакомо. Но нет ни знаков различия, ни чина.

– Они знают вас в лицо, – сказал Монео.

Странный маленький Монео.

Эта мысль несколько подняла настроение Айдахо. По размышлении он решил, что Монео вряд ли можно назвать маленьким, в росте он не уступал Айдахо. *Он подавлен, да, но маленьким его не назовешь. Он не меньше, чем я.* Монео был словно погружен в себя и очень... собран.

Айдахо оглядел свои покои – при его равнодушии к комфорту это было настоящее сибаритство – мягкие подушки, приспособления, вделанные в стены, покрытые панелями из полированного дерева. Ванна была украшена голубыми плитками, под душем и в ванне могли одновременно мыться не меньше шести человек. Все так и говорило о распушенности и лени. Это была квартира, подходящая для того, чтобы вспомнить о всех возможных удовольствиях и радостях жизни.

– Умно, – прошептал он.

В дверь вежливо постучали, и женский голос произнес:

– Командир? Здесь Монео.

Айдахо бросил еще один взгляд на выжженную солнцем скалу.

– Командир? – Голос прозвучал громче и настойчивее.

– Войдите, – отозвался Айдахо.

Вошел Монео и закрыл за собой дверь. Туника и брюки на нем были ярко-белого цвета, что вынуждало при встрече сразу обращать внимание на лицо. Монео оглядел комнату.

– Вот куда они вас поместили. Проклятые женщины! Полагаю, что они думали, что делают для вас благо, но могли бы подумать и лучше.

– Откуда вам известно, что мне нравится? – спросил Айдахо. Не успев закончить вопрос, он оценил его глупость.

Я не первый Дункан Айдахо, которого видит Монео.

Монео бесхитростно улыбнулся и пожал плечами:

– Я не хотел обидеть вас, полковник. Вы сохраните эту квартиру?

– Мне нравится вид.

– Но не обстановка. – Это был не вопрос, а констатация факта.

– Ее можно заменить, – сказал Айдахо.

– Я позабочусь об этом.

– Мне кажется, вы пришли, чтобы рассказать мне о моих обязанностях.

– Я сделаю это, насколько смогу. Я знаю, что все, что здесь происходит, покажется вам поначалу очень странным. Эта цивилизация глубоко отличается от той, к которой вы привыкли и которую знали.

– Это я уже вижу. Скажите, как... умерли мои предшественники?

В ответ Монео пожал плечами. Кажется, это был его излюбленный жест, в котором не было и намека на растерянность или незнание.

– Он не смог избежать последствий своих решений, – ответил Монео.

– Уточните.

Монео вздохнул.

– Его погубил мятеж. Вам нужны подробности?

– Они будут для меня полезны?

– Нет.

– Сегодня я потребую полный отчет об этом мятеже. Но сначала о другом: почему в армии Лето нет мужчин?

– Есть – вы.

– Вы же понимаете, что я имею в виду.

– У Лето любопытная теория об армиях. Я много раз обсуждал ее с ним. Но не хотите ли позавтракать до моих объяснений?

– Нельзя ли совместить эти два дела?

Монео обернулся к двери и произнес только одно слово:

– Сейчас!

Эффект поразил Айдахо. В комнату буквально ворвалась группа Говорящих Рыб. Две из них извлекли из-за стеной панели раскладной стол и стулья и вынесли их на балкон. Остальные сервировали стол на двоих. Другие принесли блюда – свежие фрукты, горячий рулет и дымящийся напиток, пахнувший кофе и Пряностью. Все это было сделано молча и настолько стремительно, что стало ясно, что у этих женщин большая практика в подобных делах. Не говоря ни слова, женщины, сделав свое дело, удалились.

Через минуту ошеломленный Айдахо уже сидел за столом напротив Монео.

– И так каждое утро? – спросил Дункан.

– Да, если вы этого пожелаете.

Айдахо попробовал напиток – кофе с меланжей. Узнал он и фрукт – сладкую дыню с Каладана – парадан.

Моя любимая дыня.

– Вы неплохо меня знаете, – сказал он.

Монео улыбнулся:

– Теперь о ваших вопросах.

– И любопытной теории Лето.

– Да, он считает, что чисто мужская армия создает опасность для своей гражданской базы, которая ее поддерживает и питает.

– Но это же сумасшествие! Без армии не будет...

– Я предвижу ваш аргумент, но он говорит, что мужская армия есть пережиток скринирующей функции, переданной нескрещивающимся самцам доисторического стада. Он говорит, что это очень любопытный и упорный факт, заключавшийся в том, что старшие самцы всегда посылали в битвы более молодых.

– Что такое скринирующая функция?

– Это те, кто всегда находится за периметром опасности, защищая ядро размножающегося стада – то есть производителей самцов, женщин и детей. Это те, кто первым встречает хищника.

– Но... почему это создает опасность для гражданского населения?

Айдахо откусил кусок дыни и нашел ее восхитительно спелой.

– Господь Лето говорит, что в отсутствие внешнего врага чисто мужская армия всегда обращается против своего населения. Всегда.

– И борется с другими мужчинами за женщин?

– Возможно, но он полагает, что не все так просто.

– Я не нахожу эту теорию любопытной.

– Вы еще не до конца меня выслушали?

– Есть еще что-то?

– О да. Он говорит, что чисто мужская армия склонна к гомосексуализму.

Айдахо в упор посмотрел в глаза Монео.

– Я никогда...

– Естественно, нет. Имеется в виду сублимация энергии, ее отклонение и все остальное.

– Что остальное? – Его охватил гнев, в выпадах Лето он почувствовал угрозу своему мужскому самоуважению.

– Юношеские отношения – мальчики, живущие вместе, шутки, предназначенные для того, чтобы причинить боль, верность только своей казарме и полку... ну и все в таком же роде.

– И что вы об этом думаете? – холодно осведомился Айдахо.

– Я вспоминаю себя в тех условиях. – Монео отвернулся и посмотрел на расстилавшийся перед ними вид. – И думаю, что он прав. Он же сам каждый солдат в мировой истории. Он предложил мне целую галерею выдающихся военных, которые в своем развитии застыли на стадии подростка. Я отказался от предложения, но внимательно вспомнил собственную историю и свои характерологические особенности.

Монео посмотрел в глаза Айдахо.

– Подумайте об этом, полковник.

Айдахо очень гордился своей честностью, и это больно ударило его, как бумеранг. Культ юности и детства воспитывается армией? В этом зерно истины. Даже в его опыте есть доказательства тому...

Монео кивнул.

– Гомосексуализм, латентный или иной, поддерживает эти условия, которые можно назвать чисто психологическими, заставляет людей в армии искать боли и причинять ее другим. Господь Лето говорит, что этот обычай уходит корнями в обряды инициации доисторических времен.

– Вы ему верите?

– Я – да.

Айдахо взял еще кусок дыни – на этот раз она показалась ему совершенно безвкусной, и он отложил кусок в сторону.

– Мне надо подумать над этим, – сказал Айдахо.

– Конечно.

– Вы совсем ничего не едите, – сказал Айдахо.

– Я встал еще до рассвета и позавтракал, – произнес Монео. – Эти женщины постоянно стараются меня соблазнить.

– Им это удастся?

– Время от времени.

– Вы правы, я тоже нахожу эту теорию любопытной. Есть в ней еще что-нибудь?

– Господь Лето говорит, что когда армия вырывается из гомосексуально-юношеской узды, она становится склонной к изнасилованиям. Изнасилования часто сочетаются с убийствами, а это уже не поведение, призванное обеспечить выживание.

Айдахо нахмурился.

Губы Монео искривились в жесткой усмешке.

– Господь Лето говорит, что только дисциплина Атрейдесов и моральные ограничения позволяли в ваше время избегать самых худших эксцессов.

Айдахо глубоко вздохнул.

Монео откинулся на спинку стула и вспомнил слова, некогда сказанные Богом-Императором. *«Не имеет значения, насколько сильно и страстно мы ищем истины. Несмотря на это, знание правды может оказаться очень горьким и неприятным. Мы не слишком хорошо относимся к Вещателям Истины».*

– Эти проклятые Атрейдесы! – в сердцах воскликнул Айдахо.

– Я – Атрейдес, – просто сказал Монео.

– Что? – Айдахо был потрясен.

– Его селекционная программа, – заговорил в ответ Монео. – Я уверен, что на Тлейлаксу вам говорили о ней. Я – прямой потомок от брака его сестры и Харка аль-Ада.

Айдахо подался вперед.

– Тогда скажи мне, Атрейдес, чем женщины как солдаты лучше мужчин?

– Им легче взрослеть.

Айдахо в изумлении тряхнул головой.

– Сама природа толкает их к ускоренному созреванию, – сказал Монео. – Как говорит Господь Лето: «Выносите девять месяцев ребенка в своем чреве, и это изменит вас».

Айдахо откинулся назад.

– Что он может об этом знать?

Монео ничего не ответил, просто посмотрел на Айдахо непонимающим взглядом, и тут Дункан вспомнил о множественной живой памяти Лето – который был одновременно мужчиной и женщиной. Монео понял это, вспомнив еще одно изречение Бога-Императора: *«Твои слова зажгли на его лице то выражение, которого ты добивался».*

Молчание затянулось, Монео откашлялся и заговорил первым:

– Огромная память Господа Лето заставила замолчать и меня.

– Он честен с нами? – спросил Айдахо.

– Я ему верю.

– Но он делает так много... Я имею в виду селекционную программу. Как долго она продолжается?

– С самого начала. С того дня, как он отнял проведение программы у Бене Гессерит.

– Чего он хочет от своей программы?

– Мне бы очень хотелось это знать.

– Но ведь вы...

– Я – Атрейдес и первый адъютант, это так.

– Но вы не убедили меня, что женская армия лучше мужской.

– Женщины продолжают род.

Наконец-то гнев и растерянность Айдахо нашли свой объект.

– Так, выходит, то, чем я занимался с ними первую ночь, – тоже селекция?

– Возможно, Говорящие Рыбы не предохраняются от беременности.

– Будь он проклят! Я же не животное, которое можно передавать из стойла в стойло, как... как...

– Жеребца, хотите вы сказать?

– Да!

– Но Господь Лето не хочет следовать примеру тлейлаксиянцев и заниматься генной хирургией и искусственным оплодотворением.

– Как тлейлаксиянцы получили...

– Они сами – объект изучения. Это вижу даже я. Их Танцующие Лицом – мулы, колония организмов, а не люди.

– Эти другие... я... мои копии... они тоже были племенными жеребцами?

– Некоторые были. У вас были потомки.

– Кто?

– Я один из них.

Айдахо уставился на Монео, внезапно растерявшись от такого родства. Он не понял, как такое вообще может быть. Монео же намного старше его... Но я? Кто из них в действительности старше? Кто из них предок, а кто потомок?

– Иногда у меня самого бывают трудности такого рода, – признался Монео. – Господь Лето говорит мне, что вы – не мой потомок в обычном смысле этого слова. Но вы – отец некоторых из моих потомков.

В ответ Айдахо только ошеломленно покачал головой.

– Иногда мне кажется, что до конца понять эти вещи может только сам Бог-Император, – сказал Монео.

– Вот это другое дело, – согласился Айдахо. – Такие дела – это промысел Божий!

– Господь Лето говорит, что он создал святую непристойность.

Это был вовсе не тот ответ, на который рассчитывал Айдахо. *Он ненавидит своего Бога-Императора! Нет, он его боится. Но разве мы не ненавидим тех, кого боимся?*

– Почему вы в него верите?

– Вы хотите спросить, разделяю ли я народную религию?

– Нет! Я хочу знать, разделяет ли ее он сам?

– Да, я так думаю.

– Почему? Почему вы так думаете?

– Потому что он говорит, что не желает больше создавать Танцующих Лицом. Он настаивает на своем человеческом происхождении, говорит, что если бы он когда-то вступил в брак, то у него было бы обычное потомство.

– Но какое все это имеет отношение к программе и к его божественности?

– Вы спросили меня, во что он верит. Я думаю, что он верит в случай. Я думаю, что он действительно Бог.

– Но это же суеверие!

– Учитывая обстановку в Империи, это очень смелое суеверие.

Айдахо уставился на Монео горящими глазами.

– Вы проклятые Атрейдесы! – процедил он сквозь зубы. – Все-то вы осмеливаетесь. Монео услышал в его голосе неприязнь, смешанную с восхищением.

Дунканы всегда начинают именно так.

В чем заключается принципиальное различие между нами, между вами и мной? Вы уже знаете это – разница в памяти моих предков. Мои предки являются мне во всей полноте своих осознанных воспоминаний – ваши являются вам из темного подсознания. Некоторые называют это инстинктом или судьбой. Память предков испытывает свои рычаги на каждом из нас – это касается и того, что мы думаем, и того, что мы делаем. Вы думаете, что устойчивы к таким воздействиям? Я – как Галилей. Вот я стою здесь и говорю: «И все-таки она вертится!» То, что так движется, обладает такой силой, какой не обладает ни один из смертных, даже те, кто осмеливается рисковать. Я осмеливаюсь на это.

(Похищенные записки)

– Будучи ребенком, она любила наблюдать за мной, помнишь? Когда она думала, что я не вижу ее, Сиона кружила вокруг меня, как пустынный ястреб, который кружит над логовом своей жертвы. Ты сам мне об этом рассказывал.

Говоря эти слова, Лето повернулся в четверть оборота, приблизив свое лицо к Монео, который ехал рядом с его тележкой.

Только-только забрезжил рассвет, они находились на дороге, проложенной по искусственному горному хребту, соединявшему Цитадель Сарыра с Городом Празднеств. Дорога, прямая, как луч лазера, доходила до каньонов реки Айдахо и, изгибаясь широким полукругом, ныряла в скалы, пересекая реку. Воздух был насыщен влажным туманом, поднимающимся от шумно текущей вдалеке реки, но Лето был защищен от влаги большим пузырьковым покрытием, которое окружало тележку спереди. Влага причиняла организму Червя некоторые страдания, но сладостный запах пустынной растительности, которым был напоен туман, приятно щекотал человеческое обоняние Лето. Он приказал кортежу остановиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.